

Мне нравится все, что пишет Элис
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН

МУЖЧИНА
С ПОНЕДЕЛЬНИКА
ПО ПЯТНИЦУ

Элис Петерсон
Мужчина с понедельника по пятницу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12498085

Петерсон, Элис. Мужчина с понедельника по пятницу: Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-84359-6

Аннотация

Друзья женятся, заводят детей и переезжают за город, и только у Джилли Браун ничего не происходит. Ей кажется, будто она пропустила последний автобус домой. По совету приятелей, чтобы справиться с депрессией и решить материальные проблемы, Джилли ищет жильца с понедельника по пятницу. Но она никак не ожидает, что в ее двери постучится красавец, телевизионный продюсер Джек Бейкер. Сама судьба дарит ей шанс снова стать счастливой. Девушка попадает под очарование Джека, и ее захватывает увлекательный вихрь чувств. Но что Джек делает по выходным?

Содержание

1	5
2	6
3	13
4	20
5	24
6	29
7	32
8	35
9	39
10	41
11	45
12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элис Петерсон

Мужчина с понедельника по пятницу

*Посвящается Бернис и Зеку
в память об Элис*

Alice Peterson

Monday to Friday Man

© Alice Peterson, 2011. This edition is published by arrangement with
Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency CCL

© Новикова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

1

– Вставьте капсулу в кофемашину. – Продавец-консультант демонстрировала присутствующим, как заправлять кофеварку класса *люкс*. Ее рыжие волосы были стянуты на затылке в тугий «конский хвост», который покачивался из стороны в сторону, пока она колдовала над агрегатом. – Нажмите на кнопку с надписью «капучино», и ваш кофе готов!

– Замечательно! – проговорила я, в то время как сверкающий чудо-аппарат побулькивал, размешивая и вспенивая молоко. Эта итальянская кофеварка была одним из подарков на нашу помолвку, который мне скрепя сердце пришлось вернуть в магазин.

В качестве последнего штриха девушка посыпала напиток шоколадным порошком и протянула его мне. Я сделала глоток.

– Ну и как вам? – с нетерпением спросила она.

И в этот момент я увидела его.

От неожиданности я застыла как вкопанная. Хотя знала, что в один «прекрасный» день мы обязательно наткнемся друг на друга. Ведь оба живем в Хаммерсмите¹.

Я все еще не готова была встретиться с Эдом лицом к лицу. Мой взгляд остановился на часах, которые я подарила ему на день рождения два года назад. Я до сих пор помню, как надела их на его запястье, а он наклонился и поцеловал меня.

А сейчас он не мог даже смотреть мне в глаза.

Тут к нему подошла светловолосая женщина, держащая в руке какой-то бумажный сверток:

– Эдвард, любимый, а мы включили кассероль² *Le Creuset*... – Она вдруг замолчала, почувствовав неловкость. – В наш список покупок, – dokonчила она фразу, бросив взгляд сначала на меня, а потом на него.

– Нам нужно идти, – строго сказал он, и это было единственным, что он произнес.

Эффектная красотка, чей ухоженный вид производил впечатление, что она живет прямо в спа-салоне, ждала, что нас представят друг другу, но вместо этого Эд взял ее за руку и решительно потащил к выходу.

Я вышла из отдела бытовой техники без своей кофеварки класса *люкс*, машинально шагнула на эскалатор и вцепилась в перила; слезы жгли мне глаза. Я не могла поверить, что он собирается жениться! Прошло всего шесть месяцев, как мы расстались! Да как он мог?!

Тут я нечаянно услышала их приглушенные голоса:

– Погоди... *Джилли*? Боже мой! Так это была Джилли? – Терпкий аромат ее духов, казалось, заполнил весь воздух.

– Говори тише, – настойчиво потребовал он, прежде чем добавить: – Мы вернемся сюда позже.

– Было бы лучше, если бы ты не бросал меня одну в магазине, – сказала она, оглядываясь через плечо.

Я наблюдала, как они спешно покидали торговый центр.

Когда миновала опасность, я вышла из стеклянных дверей, поймав свое отражение в них; на моей верхней губе почему-то выступила испарина.

---

¹ Район Лондона, расположенный на северном берегу Темзы. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Жаропрочная кастрюля с плотно прилегающей крышкой, сделанная из металла, керамики или огнеупорного стекла.

2

«С вами *Dorset FM*, и мы представляем ваши любимые летние хиты, – сладким голосом говорил диджей, – и вот очередной неувядающий трек от исполнителя, который, думаю, не нуждается в представлении». Заиграла музыка, и я во все горло запела *Dancing on the Ceiling*³ вместе с Лайонелом Ричи, в то время как покидала пределы города.

Раскин, мой пес, в знак протеста залаял на заднем сиденье, прежде чем снова высунуть в окно нос, наслаждаясь ветром, дующим прямо в морду.

– В чем дело, Раскин? – окликнула я, время от времени поглядывая на него через плечо. – У меня ангельский голос!

Он опять залаял, давая понять, что это далеко не так и что он совсем не в восторге от моего музыкального вкуса. Раскин всегда предпочитал Баха и Моцарта.

Я свернула на обочину и остановилась, чтобы пропустить ползущий в противоположном направлении трактор.

Я думала, что мне необходимо было натолкнуться на Эда в прошлый уик-энд. Я действительно так считала.

– Еще чуть-чуть, – пообещала я Раскину.

После того как я по-дружески уступила дорогу водителю трактора, он поблагодарил меня за ожидание, а я, в свою очередь, поблагодарила его за то, что он поблагодарил меня. Я продолжила путь.

Я не собираюсь заикливаться на этом, говорила я себе.

Эд, как всегда, выглядел безупречно. Просто красавчик. Подтянутый и загорелый. Я несколько месяцев копила, чтобы купить ему эти часы. От обиды руки еще крепче вцепились в руль.

– Ты только посмотри, Раскин, разве здесь не потрясающе? Гляди, какие овечки; тут все утопает в зелени, а небо... какое голубое! Не сомневаюсь, что мы *полюбим* это место!

Я уверяла Раскина, что должна уехать из Лондона и начать новую жизнь в сельской местности. Я знала, что буду скучать по городу; с ним было связано столько приятных воспоминаний. Танцы по пятницам с друзьями до пяти утра, ленивый завтрак вместе с Эдом на восходе солнца. Субботние походы на вечеринки или ужин в ресторане. Направляясь домой, мы обязательно захватывали с собой коктейльчики и, вернувшись, слушали музыку и валяли дурака. Я так любила эти вечера... Кроме того, в Лондоне находятся лучшие в мире музеи... хотя, по правде сказать, я не извлекла из этого максимальную пользу. Походы по воскресеньям в «Спитлфилдз»⁴ и на рынок Камдена⁵. Эд познакомил меня с оперой. Я не была уверена, что когда-нибудь она мне понравится, но в какой-то момент влюбилась в наши вечера в Ковент-Гардене. Именно там он сделал мне предложение.

Совсем недавно я с трудом представляла, что можно жить где-то еще... но в последнее время ситуация изменилась. Теперь Лондон утратил свой блеск. Возможно, потому, что теперь я была одинока, а большинство моих замужних подруг переехали в другие места. Не далее как сегодня утром я получила очередную открытку с оповещением о смене адреса от моей старинной школьной подруги. На черно-белом картоне была изображена семья, члены которой махали на прощание из воздушного шара, поднимавшегося в воздух. Над ними красовалась надпись: «ДИГБИ СОРВАЛИСЬ С МЕСТА!»

---

³ «Танцы на потолке» – хит Лайонела Ричи, вышедший в 1986 году.

⁴ Оптовый рынок фруктов, овощей и цветов.

⁵ Популярный среди панков и других субкультур блошинный рынок, расположенный к северу от Вестминстера.

Я проехала мимо дома с соломенной крышей, входная дверь которого была открыта, выпуская солнце. Разве в Лондоне подобное могло быть возможным? И уж точно не в Хаммер-смите с его зигзагообразными тротуарами, где избежать столкновения друг с другом могли только самые изворотливые.

В Лондоне единственным, что я слышала ночами, были пьяные голоса под окнами моей спальни. Проснувшись утром, мне ничего не стоило обнаружить на дороге осколки стекла. На прошлой неделе разбили мою машину. Правда, я сама виновата, надо же быть такой идиоткой, чтобы оставить спортивную форму на заднем сиденье. Кроме того, эти ублюдки забрали все мои компакт-диски, оставив лишь «Лучшее от Girls Aloud»⁶.

Я припарковалась на площади сонного поселка около парка, рядом с которым находилось агентство недвижимости «Охотники». Пока я отстегивала Раскина от ремня безопасности, под пассажирским сиденьем нашлась интересная коллекция забытых вещей: сплюснутая записная книжка, пустая пластиковая бутылка из-под воды, куча скомканных штрафных талонов на парковку и... черт возьми, что это? Какая-то засохшая кожура от мандарина. Позже обязательно нужно сделать в машине генеральную уборку.

Внимательно изучив знак на парковке, я с восторгом обнаружила, что она бесплатная. В Лондоне я едва ли могла произнести свое имя, чтобы мне не предъявили обвинение в нарушении правил парковки или в превышении оплаченного времени. Так у меня появилась еще одна веская причина, чтобы переехать.

Я открыла дверь агентства и прошла на середину комнаты. Раскин тянул поводок в сторону человека, сидящего за столом.

– Джилли? – Он встал, чтобы поздороваться со мной и пожать руку. – Джилли через букву *G*? – добавил он ухмыльнувшись.

Я улыбнулась в ответ, поражаясь его памяти. Папа всегда говорил, что я не такая, как все, потому что мое имя пишется через букву *G*, а не через *J*, как у остальных. Думаю, последний раз мы виделись с Ричардом во время посиделок на кухне моего отца. Должно быть, мне было тогда около десяти, а ему примерно восемнадцать. Тогда он носил длинные темные волосы и производил впечатление яркого и уверенного в себе юноши. Помню, еще подумала, что у него очень модные ковбойские сапоги. Ричард пришел к нам на чай вместе со своим отцом.

Сейчас я смотрела на него, предполагая, сколько же ему уже лет. Может, чуть за сорок? Раньше мне казалось, что он намного выше, хотя, когда мы растем, нам все представляется несколько больше, чем есть на самом деле. Ричард был мужчиной плотного телосложения с сокрушительным рукопожатием и... о боже... ужасной манерой одеваться! Почему он напялил эту ярко-желтую тропическую рубашку в ужасных ананасах? Должно быть, у него кризис среднего возраста.

– Рад снова тебя видеть, – сказал Ричард, – это было так давно. Как твой отец? – Ричард – крестник моего папы, и именно отец предложил с ним встретиться, если я, конечно же, действительно заинтересована в переезде за город. Папа Ричарда Майкл и мой отец познакомились во времена военной службы и с тех пор поддерживали связь. Я помню, что Майкл и мой отец вспоминали, как вставляли ни свет ни заря и полировали до блеска мыски сапог, пока те не начинали сиять как солнце. И как на них постоянно кричал сержант. Я наслаждалась, слушая их рассказы.

---

⁶ Британская девичья поп-группа, сформировавшаяся в 2002 году в ходе реалити-шоу «The Rivals».

– Присаживайся, пожалуйста, – предложил Ричард, изучая мою джинсовую мини-юбку, темные очки и розовые биркенштоки⁷. Я сняла очки. Позади его стола на стене в рамке висела большая черно-белая фотография с видом Дорсета с высоты птичьего полета.

– Прикольная собачка, – заметил он.

– Спасибо. – Я светилась от гордости. Раскину около пяти лет. Он терьеристой внешности, с хвостом, напоминающим пальму, толстыми крепкими ножками и крупной головой, чересчур большой для его тела. В свое время я взяла его из приюта. Дети смеялись, когда видели Раскина на улице, но всегда хотели его погладить. На мой взгляд, он самый верный мужчина в моей жизни, и я не хочу слышать ничего гадкого в его адрес.

После краткого обмена новостями о наших отцах Ричард сосредоточился на деле.

– Итак, ты хочешь купить дом в этом направлении?

– Все верно. Я жажду приключений, – смело сказала я. «Нет никаких причин, почему я не могу сорваться с места так же, как семейство Дигби», – подумала я.

– Никак не припомню... у тебя есть кто-то из родственников в этих краях?

– Да-да. Моя тетя Перл раньше жила здесь... – Я прищурила глаза, пытаюсь вспомнить, где именно. – Толпаддл. Точно. Толпаддл. В детстве нас с моим братом-близнецом Ником отправляли к тете Перл на летние каникулы.

Мы так любили то время. Она брала нас с собой на разные пляжи, где мы с Ником карабкались на огромные скалы и играли в море с утками и селезнями.

Ричард скрестил на груди руки. Наконец-то я его внимательно рассмотрела: у него было квадратное лицо с выдающимися скулами, каштановые волосы и густые брови.

– Как бы то ни было, но сегодня утром я объехала несколько живописных деревушек. – Я решила не говорить ему, что некоторые из них показались мне полузаброшенными. – И увидела коттедж на продажу в... Поделгемптоне или в Паделтауне... короче, какое-то название, начинающееся с Падл.

– Пиделхимптон.

Он едва сдержал улыбку.

– Хочешь чай или кофе? – заботливо поинтересовался Ричард.

– Можно. Капучино, пожалуйста.

– Ты не в «Фокстонсе»⁸, – заметил он.

Я покраснела.

– Пожалуй, растворимый подойдет. Спасибо.

Он поднялся из кресла, сделал пару шагов и затем скрылся из виду.

Перед тем как наклониться, чтобы погладить Раскина, который лежал под моим стулом, я с беспокойством оглядела офис.

Я долго смотрела в окно, говоря себе больше не переживать о том, как недавно наткнулась на Эда и его будущую жену. Когда я вперилась в его лицо, все, о чем я могла тогда думать, – что раньше, просыпаясь по утрам, я каждый день видела это лицо. Знала каждую его черточку: форму рта, историю побелевшего шрама на левой стороне лба. Я потупила взор и уставилась на свои руки. Она уж точно не будет ходить с облупившимся лаком или грызть ногти. Интересно, Эд рассказал ей, откуда у него этот шрам?

Ход моих мыслей неожиданно прервал шум, а затем я услышала проклятия, явно доносившиеся из кухни, а после голос Ричарда, который спрашивал, нужно ли мне молоко и сахар. Это прозвучало так, будто он в этот момент сражался с кружками, а чайник тем временем норовил взорваться. Пока я разглядывала трясущегося человека, прошаркавшего мимо офиса, толкая перед собой тележку на колесиках, я почувствовала приступ надвигающейся

---

⁷ Простые и удобные сандалии с ортопедической стелькой.

⁸ Одно из самых известных агентств недвижимости в Лондоне.

паники. Что я буду здесь делать? Смогу ли быстро найти работу? Если уеду из Лондона, то буду скучать по отцу. Он жил в нашем стареньком доме на Риджентс-парк. Я не думала, что он хочет, чтобы я переехала, но что касается папы, никогда нельзя утверждать что-либо с уверенностью. Я знала, что Анна точно не желает моего отъезда. Она, как и я, одинока, и мы с ней как сестры. Я буду скучать по своему брату-близнецу Нику. И особенно по племянницам. Тем не менее они же могут навещать меня по выходным в моем идиллическом загородном коттедже с бледно-розовыми плетистыми розами и симпатичными парадными воротами. Я уже видела, как девочки носятся босиком вокруг моего газона, смеясь и играя под сплинкером, а по вечерам в нашем саду радостно собирают малину.

Я гладила Раскина, думая, как сильно буду скучать по моим друзьям-собачникам и нашим прогулкам в Равенскорт-парке. Мы стали чем-то вроде сообщества, которое встречалось в восемь утра под дубом. И не важно, шел проливной дождь или светило солнце.

Боже, как же я буду тосковать по Сюзи и ее дочке Роуз, моей крестнице.

Затем я снова подумала об Эде. «*О боже, это была Джилли*», – сказала она. Я не выдержу, если натолкнусь на нее снова.

– Джилли? – Ричард протянул мне кофе.

– Извини. – Я взяла кружку и поблагодарила его. – Я немного задумалась.

– Напомни-ка мне, ты уже продала свое жилье в Лондоне?

– Нет еще. Все как-то не до того было, но...

– Чем ты занимаешься, Джилли? – Он прервал затянувшуюся паузу.

– Хороший вопрос. – Я улыбнулась и откашлялась. – Работаю в антикварном магазине моей подруги.

– Хорошо.

– Но это лишь временно, – поспешила добавить я. – Раньше я трудилась в компании, которая сдает студии для фотосессий, конференций, съемок рекламы, ну и все в таком духе, но, когда сменилось руководство, она обанкротилась. Стало невыносимо, директорша... – Я потеряла руки, прекрасно понимая, что Ричарду совершенно не нужны все эти подробности. – Как бы там ни было, я просто вызвалась помочь подруге на лето, пока не перееду. Итак, по телефону ты сказал мне, что есть несколько домов, вписывающихся в мой бюджет?

Он перебрал какие-то бумаги, и несколько из них спланировали на пол, но Ричард даже не потрудился их поднять.

– Хорошо. Давай начнем с этого. – Он протянул мне лист с фотографией.

Это был коттедж с соломенной крышей. На кухне пол в черно-белую шашечку и древнего вида плита.

– Он находится по главной дороге в Дорчестер, – добавил Ричард.

Изучая детали интерьера, я пыталась подобрать слова, чтобы сказать что-то положительное, но...

– Тебе не кажется, что дом немного напоминает *тюрьму*?

– Верно! Ужасное место, – согласился он.

Я смотрела на него с любопытством, пока он доставал еще один лист, на котором был изображен белый коттедж с палисадником, на окнах которого красовались жалюзи.

– Дело в том, – начал Ричард, чувствуя, что дом мне нравится, – что он расположен у подножия крутого холма, и, если зима выдастся очень снежной, ты окажешься в ловушке.

– Это оживленное место?

– Гм. Смотря *что* ты подразумеваешь под словом «оживленное».

– Ну, было бы неплохо не сидеть там одной и познакомиться с ровесниками.

«Как насчет привлекательного сельского джентльмена, владельца золотистых лабрадоров, который обожает прибрежные прогулки и романтические ужины у камина? И танцы. Может, в твоей картотеке есть такой на примете?»

Ричард постукивал пальцами по столу.

– Я забыл, кто там живет, кроме викария и его жены. Она, бедняжка, оказалась в заточении на несколько месяцев. А однажды упала в передвижной мусорный контейнер и скапала вниз по склону.

Пока он рассказывал, я не могла сдержать улыбки.

Ричард показал мне еще один крошечный коттедж в деревне, где, казалось, было всего три дома и почтовый ящик. Окно в доме размером со спичечный коробок, а на окнах – вытянутые занавески. Я знала, что мой бюджет весьма ограничен, но не настолько же!

– Этот в самый раз! – Он выглядел нерешительно, но, выдержав паузу, продолжил: – Послушай, ты уверена, что хочешь переехать?

– Прости, что? – пробормотала я, когда зазвонил мой мобильник и одновременно залаял Раскин. Взволнованная, я схватилась за сумочку и начала судорожно в ней копаться, осознавая, что Ричард смотрит на меня. Чего только из нее не вывалилось: ежедневник, бронзовая пудра, проездной, губная помада и даже совок и мешочек для сбора собачьих фекалий. Я уверена, что мобильные телефоны сговариваются, чтобы их невозможно было найти, когда они звонят.

«Наконец-то, маленький дьявол, я тебя нашла!»

– Прости, так о чем ты? – Я отключила мобильник.

Он внимательно изучал мои длинные темно-каштановые волосы, сколотые на затылке, темно-синий пятнистый шарф, браслеты и бирюзовую замшевую сумку; затем бросил взгляд на безымянный палец моей левой руки.

– Не уверен, что сельская местность подходящее место для...

– Незамужней женщины?

Он погладил рукой подбородок и кивнул.

– Я думала об этом, – призналась я, – но...

– Люди с подозрением будут относиться к причине, послужившей поводом для переезда сюда.

Я недоуменно посмотрела на него.

– Тебя не будут приглашать в гости без особого повода. И едва ли стоит рассчитывать на пригласительную открытку под дверь с предложением прийти к соседям на ужин.

Я нервно улыбнулась:

– Почему ты так думаешь?

Он склонился надо мной:

– Женщины будут чувствовать себя в опасности.

– Нет, не будут. На что ты намекаешь? – спросила я.

– Поверь. Так оно и произойдет. Они забеспокоятся, что ты уведешь их мужей. Ты очень симпатичная девушка, – сказал он, и теперь в его глазах появился блеск.

– Можешь быть уверен, уводить чужих мужей – не в моем стиле. А если они носят рубашки в ананасах, как у тебя, то у них вообще нет шансов, – добавила я, начиная расслабляться. – Мне необходимы перемены.

– В это время года эти деревушки действительно идиллическое место, но когда наступит зима, едва ли кто из друзей осчастливит своим присутствием твой дом, – заявил он.

– Конечно, они приедут! Уверена, мои друзья будут навещать меня в любое время года.

– Чем ты собираешься заниматься, раз уж решила торчать здесь? Играть в бридж?

– Я устроюсь на работу. Это будет весело!

– Ты не продумала все до конца, не так ли?

– Продумала! Я хочу жить в месте, которое отличается от моей прежней жизни. Я хочу сад для Раскина и хочу... хочу вести здоровый образ жизни. На чистом свежем воздухе.

– Здесь повсюду пахнет силосом, – рассмеялся он.

– О, не говори глупостей. У меня будет прекрасный сад, где я смогу выращивать овощи и фрукты, – настаивала я. – Малину, картошку и... и... фиолетовую брокколи!

– Если ты думаешь, что сейчас одинока...

– Одинока! Я не одинока! – Я наклонилась, чтобы погладить Раскина, свернувшегося калачиком у моих ног.

– Почему ты на самом деле хочешь переехать?

– Что? – Я не смела взглянуть на него. От его вопроса перехватило дыхание.

– Джилли, кто-то однажды сказал мне, что я должен покинуть Лондон только тогда, когда возненавижу его, когда выжму из него все соки. По собственной глупости я не внял советам и теперь скучаю по нему как сумасшедший. Я не уверен, что ты дошла до такой стадии.

Я снова представила Эда, и наконец во мне проснулось некоторое мужество.

– Спорим?

Он кивнул.

– Я устала от одних и тех же старых декораций. Я стала невосприимчива к вою сирен и несчастным случаям, которые происходят прямо у меня под носом. Я ненавижу платить чертовы сборы за въезд в центр города по будням, у Раскина нет сада, и ему приходится гулять по брусчатке, в Лондоне у меня почти не осталось друзей, и... и... те, кто остался, приглашают к себе исключительно на чай, где мне приходится слушать крики их детей, требующих мороженое в рожке, а не в стаканчике!

Я снова вздохнула. Как ни странно, но мне вдруг стало лучше.

– У меня нет работы, точнее, сейчас нет подходящей работы. – Я продолжала говорить со скоростью скороварки, выпускающей пар. – Я свободна и одинока, поэтому мне нечего терять, не так ли? И что с того, что я одна? Что, если я больше никого не встречу, Ричард? Что, если я проживу всю свою жизнь в Лондоне и потом меня похоронят в том же Хаммерсмите? Я напугана, я...

Он присел напротив меня и, глядя в глаза, спросил:

– Ты боишься, Джилли?

– Я так зла на себя.

– Почему? – Его голос стал еще мягче, будто он был моим терапевтом.

И тогда произошла странная вещь. Я разрыдалась. Ричард протянул мне носовой платок и посоветовал отпустить все это.

– Прости, – в итоге сказала я, вытирая глаза. – Я правда в порядке. – Я запнулась. – О боже, Ричард! – воскликнула я, понимая, что не смогу его обмануть. – Мне так стыдно! Мы не виделись с тобой столько времени, и именно сейчас я сорвалась.

Что он теперь подумает обо мне?

– Тебе не нужно извиняться. – Ричард улыбнулся. – Такое часто случается. – Я поймала себя на мысли, что тоже улыбаюсь. – Но скажи мне, – мягко произнес он, – что случилось?

Я вздохнула.

– Я все еще люблю его, – ответила я.

Ричард терпеливо слушал, пока я грузила его своим рассказом о нашей четырехлетней жизни с Эдом и тем, как все резко оборвалось всего за две недели до Рождества. За две недели до нашей свадьбы! Он даже не удостоил меня объяснением, лишь нацарапал записку и оставил ее на столике в прихожей. В ней было написано: *«Я не могу этого сделать. Я не могу жениться на тебе»*.

– У тебя иногда возникает чувство, что ты сидишь на обочине и наблюдаешь за тем, что жизнь бурлит у всех, кроме тебя? – спросила я его.

– Частенько.

Я рассказала ему, как натолкнулась на Эда и его будущую жену в Селфридже.

– Боже мой, Ричард, я попала в тупик. – Ждала, что Эд скажет что-то утешительное, но он не решился. – Что мне делать?

– Ты должна перестать себя жалеть и смириться с этим, – твердо заявил он.

– Что? – спросила я, опешив от неожиданного изменения тона его голоса.

– Я сочувствую тебе, Джилли, на самом деле. То, что сделал этот Эд, – непростительно, но это произошло шесть месяцев назад. Ты должна двигаться вперед.

– Я знаю, – проговорила я, и у меня задрожала нижняя губа.

– Переехать сюда – это неправильно. Ты пытаешься сбежать.

Я возилась с ремнем сумочки, но наконец решилась задать вопрос и ему:

– Ричард, ты женат?

– Разведен. Мой бизнес подходит исключительно одиноким. Поверь, я тоже хотел сбежать от всего.

Я мельком взглянула на него, удивленная внезапным признанием.

– Джилли, на твоём месте я бы вернулся в Лондон с твоей замечательной собачкой и начал снова развлекаться. Почему ты улыбаешься? – спросил он.

– Снова вернуться домой в грязный и слишком дорогой город? К тому же в Лондоне все грубияны, – прибавила я. – Не поверишь, но на днях меня обматерил пьяный прямо на пороге дома, а потом еще попытался швырнуть в меня пивную банку.

Ричард улыбнулся.

Я рассказала ему, как моя соседка Глория спрашивала, нет ли у меня соседа, который забыл свой ключ.

– Боже! – воскликнул он, в то время как скручивал в трубочку журнал недвижимости, и торжествующе швырнул его на стол. – Придумал, – сказал Ричард, и эта фраза прозвучала, как у профессора Хиггинса⁹. – Взять постояльца.

– Постояльца?

Он скрестил перед собой руки от удовольствия.

– Конечно! Я буквально на днях читал об этом в одной газете. Многие сдают в аренду свободную комнату. погоди! У тебя ведь есть свободная комната, верно?

Я кивнула.

– Правда, очень маленькая.

– Ну вот, это уже другой разговор.

– Ох, я даже не знаю. – Мне требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать.

– Это самый простой способ немного подзаработать, – уговаривал он.

По правде, я подумывала об этом. С того момента, как меня сократили на последней работе, мои доходы заметно упали. Мэри, моя подруга-собачница, которая владела антикварным магазином, не могла платить больше, чем положено по ставке. В последнее время мне даже приходилось брать обед из дома, чтобы как-то сэкономить.

– Я старовата, чтобы делить квартиру с соседом. Я уже через это проходила. К тому же я и так слишком запуталась в жизни.

– Вот те раз. Вернулись туда, откуда начали.

Затем я поняла, что он тянет нас с Раскином к двери.

– Что ты делаешь? – запротестовала я, пока он подталкивал нас на свежий воздух.

– Веду тебя на обед.

– погоди...

– Через дорогу есть отличный паб. Определенно тебя нужно уговорить, – закончил он.

---

⁹ Мультимедийная обучающая программа по английскому языку.

3

Я просматривала в газете объявления о работе, когда в магазин, пошатываясь, ввалилась Мэри, таща мраморный бюст. Она только что вернулась из шоп-тура по блошиным рынкам Франции.

– Ты только посмотри на этого красавца, Джилли! – Она опустила бюст на софу. Раскин и Базилик, джек-рассел-терьер Мэри, неохотно освободили место.

– Ну разве он не великолепен?

«Несомненно. Вот только где он собирается жить следующие несколько месяцев?»
Длинный дубовый стол, стоявший посередине комнаты, уже был завален сокровищами под завязку.

– И большой у тебя улов? – спросила я, семена за ней на улицу.

– Меньше, чем вчера, но больше, чем завтра.

С готовностью я стала помогать Мэри выгружать раритеты из ее старого белого фургона; вскоре вазы и фонари уже заполнили тротуар.

– Все, что им нужно, – глазурировать и поместить их в роскошные подушки, – сказала Мэри, заметив, что моя бровь удивленно поползла вверх, когда я увидела комплект ржавых садовых стульев.

Мэриголд, или просто Мэри, была одной из самых эпатажных девиц среди моих друзей-собачников. В свои далеко за сорок она красила волосы в иссиня-черный цвет и носила элегантный боб; сегодня Мэри была одета в лимонно-зеленый комбинезон. Впервые мы встретились четыре года назад в Равенскорт-парке; она стояла в тени дуба недалеко от станции метро. Мэри курила сигарету с ментолом, попутно бросая мячик Базилику, который он с молниеносной скоростью приносил обратно. Мэри была разведена, детей у нее не было.

– Я никогда не хотела иметь детей, – однажды призналась она во время одной из наших прогулок. – Но всегда мечтала о собаке.

Ее магазинчик на Пимлико-роуд специализировался на антикварных люстрах, зеркалах, фонарях и вазах, и она постоянно бегала по различным барахолкам, пытаясь купить что-нибудь по дешевке. У Мэри был наметан глаз: она подбирала вещи, мимо которых большинство из нас с легкостью бы прошли. Она могла под слоем паутины, мертвыми мухами и пылью разглядеть люстру георгианской эпохи и придать ей товарный вид.

– Так, это уже интересно, – сказала мне Мэри, и мы присели на корточки, разглядывая большую круглую серебряную лампу. – Думаю, она сделана примерно в двадцатых годах прошлого столетия, – предположила Мэри, – и использовалась хирургами во время операций. Какому-то умному человеку пришла в голову мысль взять за основу дизайн крестьянских фонарей восемнадцатого века.

– Она великолепна, – сказала я, рисуя в воображении французскую деревенскую кухню.

– За что люблю антиквариат, так это за то, что эти вещи принадлежат давно умершим людям. Как подумаю, скольким невероятным вечеринкам она была свидетельницей, – заявила Мэри, указывая на одну из своих новоприобретенных люстр, которая выглядела так, словно ее только что достали из помойки. – Да-да, знаю, выглядит не очень, но когда Боб приложит к ней свою руку, она станет просто идеальной. – Роберт Чэмрет был мастером по стеклу и металлу, которого Мэри обожала почти так же, как Базилика. – Подумай только, какая челядь полировала ее, – продолжала она, – сколько царапин и ударов ей пришлось вытерпеть, прежде чем судьба привела ее в мой магазин.

– Сколько ты за нее отдала?

– Ох, Джилли, – нетерпеливо сказала она. – Важно не то, сколько я за нее отдала. Важно то, за сколько я смогу ее продать.

Позже в тот же день, когда Мэри отлучилась на встречу с журналистами, которые хотели взять напрокат несколько люстр для фотосессии журнала *Hello*, я продолжила штудировать объявления о работе, но все вакансии как будто испарились со страницы. Может быть, потому, что я просто не смогла бы пережить еще одно собеседование? Мне кажется, я скорее предпочла бы запломбировать корневой канал без анестезии, чем услышать очередной отказ. Я закрыла глаза, вспоминая свои неудачные попытки устроиться на работу...

Собеседование Один

– Джилли Браун, проходите. Вас ждут, – обратилась ко мне гламурного вида секретарша на ресепшене. Меня пригласили на вакансию модельного агентства, работающего с компанией по производству одежды, поэтому я приложила все усилия, чтобы выглядеть соответствующе: надела платье в обтяжку и новые ботильоны в гладиаторском стиле.

В тот момент, когда я вошла в переговорную и направилась к стильной блондинке, сидящей за стеклянным столом, я зацепилась ногой за окантовку ковра, потеряла равновесие и практически прилетела к ней, завершив грандиозное появление аварийной посадкой на приготовленный для меня стул. Почти сразу же я поняла, что не получу эту работу, прямо как в тот раз, когда сдавала экзамен по вождению и налетела на тротуар в первую же минуту.

Собеседование Два

– Какие ваши сильные и слабые стороны? – спросили меня. На этот раз я пыталась устроиться на работу в банк.

– Я отлично лажу с людьми, но отвратительно с цифрами, – гордо заявила я. И почему только на меня так странно посмотрели?

Собеседование Три

– Вы ведь готовы к ненормированному рабочему дню, верно? – Это было собеседование в крупной рекламной компании, и, к моему удивлению, оно проходило довольно успешно.

– Совершенно верно. Я буду выкладываться на сто десять процентов и не подведу вас. – Я скрестила под столом пальцы. Я всегда ненавидела это дурацкое выражение «на сто десять процентов», но, судя по сияющей улыбке рекрутера, ему оно нравилось.

Он встал и наклонился ко мне:

– Вы голодны, Джилли?

Я взглянула на часы.

– Ну, если честно, то немного, – сказала я, задаваясь вопросом, куда же меня собираются пригласить на праздничный обед, чтобы сообщить, что работа моя.

– Я имел в виду: голодны до успеха, – тихо произнес он.

Я открыла глаза и поняла, что смеюсь. О боже. Я с треском провалила последний вопрос. Излишне говорить, что я не получила эту работу и после череды отказов упала духом, потеряв уверенность в себе. Поэтому, когда Мэри предложила мне занять место ее прежнего ассистента, я сразу же согласилась. Я подумала, что временная работа может стать прекрасной возможностью очистить голову от грустных мыслей, немного подзаработать, наконец-то поразмыслить, что делать дальше, и усовершенствовать навыки прохождения собеседования. Друзья и близкие лишь улыбались, когда я рассказывала им, что работаю в антикварном магазине. Моя лучшая подруга Анна, которая трудится в области маркетинга,

сказала, что всегда считала, будто антиквариатом занимаются низкие лысые мужичонки в очочках со стеклами в форме полумесяца, надвинутых на кончик носа, которые, втянув голову в плечи и прищулив один глаз, пристально смотрят на поблекший товарный знак на фарфоре.

Но мне здесь нравилось. В магазин Мэри заглядывали странные клиенты со всего мира. Не далее как вчера к нам ворвалась итальянка, одетая в стиле Вивьен Вествуд¹⁰. Ее струящийся дизайнерский шарф, который она театрально поправляла на плечах, постоянно запутывался в наших раритетах, угрожая смести их с полки. Несколько раз мне приходилось аккуратно высвободить из его «лап» вазу или фонарь, попутно молясь, чтобы он не порвался. Когда она попыталась спуститься по лестнице на своих убийственных каблуках, я предложила ей свои биркенштоки. Дело в том, что наш магазин располагается на двух этажах. На первом у нас скрипящие половицы, старые коврики¹¹, предназначенные для того, чтобы я вечно спотыкалась, и коварная лестница, ведущая в подвал. Здесь пахнет старостью и затхлостью, и, хотя повсюду творился совершеннейший беспорядок, в этом есть свое очарование. Но я и не могла позволить себе работать здесь слишком долго. Проблема в том, что я снова и снова задавалась вопросом, чем хотела бы заниматься дальше. Но я этого не знала. Я не хотела заниматься ничем, что напоминало бы мне о прошлой работе; я хотела найти нечто, чем по-настоящему смогла бы увлечься.

Мэри такие проблемы были не близки, и она давно поняла, что ее настоящая страсть – театр. Когда люди спрашивали, чем она занимается, она с гордостью отвечала, что она актриса. В свободное время Мэри ходила на прослушивания и играла в местных театральных постановках. «Я не позволю своей мечте угаснуть, – говорила она. – Я не хочу умереть с измученным, грустным лицом. Ты должна найти что-то, что сделает тебя счастливой, Джилли».

Но какая у меня мечта?

После того как я окончила Манчестерский университет и получила диплом, я прыгала с одной работы на другую, как если бы они были горячими камнями для перехода через ручей. Я улыбнулась, вспомнив, как один из моих преподавателей говорил, что я как маленький мотылек – никогда не могу долго усидеть на одном месте. «Когда я вырасту, то стану фермером, – однажды объявила я своим школьным друзьям, – чтобы иметь много лошадей и собак».

Следующая моя идея была стать парикмахером.

Потом поп-звездой.

Затем моделью.

А после ветеринаром.

Мое резюме представляло собой нагромождение различных должностных функций, начиная от благотворительной деятельности до (по иронии судьбы) карьерного консультанта, помогающего другим найти работу своей мечты. Я могла бы попробовать себя в моей прежней компании, занимавшейся сдачей объектов для фотосессий, но подальше от начальника; ведь я с удовольствием проработала там целых три года. Мой отец сказал, что это мировой рекорд. Я обзавелась несколькими нужными контактами. Я уверена, что могла бы позвонить им и поспрашивать, не могут ли они как-то помочь мне с работой.

Я снова начала пялиться в газету. Что мне мешает? Почему меня не оставляет ощущение, что мне чего-то не хватает?

---

¹⁰ Вивьен Вествуд – британский дизайнер, основательница стиля панк в моде. Ее одежда отличается экстравагантностью и бунтарским духом.

¹¹ Гладкий двусторонний ковер ручной работы.

«Когда ты чувствуешь, что застряла в тупике, – сказал Ричард, когда мы наслаждались «завтраком пахаря»¹², и это прозвучало так, словно я нахожусь на консультации у психолога, – ты должна заняться чем-то совершенно отличным от того, что делала прежде. Жизнь иногда напоминает навесной замок, который отказывается открываться. И одно небольшое изменение в комбинации способно наконец открыть дверь».

– Раск, что мне делать? – Я гладила его, изо всех сил желая, чтобы у него был готов ответ.

«Найди квартиранта», – снова и снова слышала я голос Ричарда. Я записывала свои ежемесячные расходы и волновалась, что этот список можно продолжать до бесконечности. Может быть, аннулировать абонемент в тренажерный зал? Мне нужно ходить туда по крайней мере три раза в неделю, чтобы оправдать его стоимость.

Ричард прав. Я должна извлечь максимальную выгоду из своего жилища; в конце концов, мне повезло, что у меня есть квартира, пусть и не престижная. Пять лет назад, когда умерла бабушка, мамина мама, она оставила нам с Ником достаточно денег, чтобы внести приличный задаток за дом. Моя бабушка была очень строгой и все время держала нас на расстоянии. Папа сказал, будто она завещала деньги лишь потому, что чувствовала вину за то, что избегала нас после рождения моей сестры Мэган. Она инвалид.

Я снова уставилась на список. Этим утром пришла выписка по моей кредитке. Она относилась к одной моей явно лишней покупке, которую я совершила на днях. Я знала, что не должна была покупать эти биркенштоки. Вдобавок к этому выросли плата за газ и электричество.

Не оставалось никаких сомнений, что мне придется частично переквалифицироваться в рантье. Деньги от сдачи комнаты были необходимы позарез. И я сняла трубку.

* * *

– Квартирант? Погоди, – прошептала Анна. – Идет мой мерзкий начальник. Перезвоню.

Анна работала в маркетинговой компании, которая специализировалась на организации спортивных состязаний и путешествий. Мы с детства дружили, ходили в одну школу, вместе с Ником организовали свою первую поп-группу, которую назвали «Вонючие обезьяны», играли, зимой катались на тобогганах¹³; Анна часто ездила с нами, когда мы всей семьей вывозили Мэган на побережье или ходили в зоопарк.

Как только я собралась наброситься на бутерброды, я услышала еле слышный звон колокольчика, возвещавший о приходе покупателя; я тотчас засунула еду обратно в коробку. В дверях появился сгорбленный пожилой мужчина с кульком в руках. Он прошаркал прямо ко мне, и я поспешила предупредить, чтобы он не споткнулся о ковер.

– Я могу вам чем-то помочь? – вежливо поинтересовалась я. На нем была одежда, которую, пожалуй, можно приобрести только на благотворительном базаре.

– Гм. – Он замешкался. – Гм. Я ищу вещички, да, ищу здесь милые вещички... набор... гм...

В этот момент зазвонил телефон, и я задумалась, нужно ли мне снять трубку. Вдруг мой взгляд упал на темно-бордовые носки, которые торчали из его коричневых сандалий.

– О, пожалуйста, поторопитесь.

– Ну... да, сейчас, я пытаюсь добыть... гм... фарфоровые тарелки.

Я старалась не прыснуть со смеха.

---

¹² Бутерброд с сыром, луком и пикулями, дежурное блюдо в пабах.

¹³ Бесполозные сани, представляющие собой несколько скрепленных досок с загнутой передней частью.

– Сожалею, сэр, но мы продаем только антиквариат, точнее, люстры и зеркала. – Я жестом показала на зеркала, приставленные к стене. Он выглядел потерянным и явно не знал, что делать дальше. Я мягко вывела его на улицу и показала в направлении «Питера Джонса»¹⁴.

И поспешила обратно в магазин, услышав, что снова звонит телефон.

– Антикварный магазин «У Мэри»... ой, Анна, привет.

– Прости, не могла перезвонить раньше. Шеф постоянно околачивается рядом. Я побыстрому. Я только что переговорила с одним из парней на работе, он тоже сдает комнату, но тем, кому нужно жилье только на будние дни – с понедельника по пятницу. Погугли, – вынесла она вердикт. Она уже собиралась повесить трубку, но, видимо, не смогла сдержаться и выпалила: – Я так рада, что ты не переезжаешь! Ты нужна мне здесь. Мы, одинокие девушки, должны держаться вместе.

Я улыбнулась.

– Я бы тоже сильно скучала по тебе.

«С понедельника по пятницу», – забила я в поисковик, вернувшись домой тем же вечером после встречи с Анной. Мы ходили ужинать в наш любимый греческий ресторанчик недалеко от ее квартиры в Клэпхеме.

Я любила наши посиделки с Анной. Мы дружим с детства, она для меня как лучик солнца, человек, после общения с которым я чувствую себя намного лучше. На данный момент она тоже одинока, хотя кто знает, как долго это продлится? У Анны нет проблемы, как закадрить мужиков. Она настоящая красотка с забавными веснушками на щеках и носу, которые ее совсем не портят. Мужчины падают к ногам Анны, едва заслышав ее хриплый голос и заразительный смех. «Моя проблема в том, что мне все быстро наскучивают», – говорит она. Анна утверждает, что у нее было достаточно мужчин и сейчас она сознательно выбрала статус одиночки, но я знаю истинную причину, по которой она не хочет ввязываться в очередную любовную интрижку. Она всегда была влюблена в Пола, одного из ее коллег. Между ними никогда ничего не было, потому что он женат. Я так ни разу его и не видела.

Я кликнула по ссылке «Квартиранты с понедельника по пятницу».

– Кстати, а кто надоумил тебя заняться поисками квартиранта? – поинтересовалась Анна, пока мы ужинали.

– Я собираюсь перестать страдать по Эду, – с гордостью заявила я. – Раз он перечеркнул прошлое, то почему я не могу сделать так же?

– Давно пора!

Я рассказала ей про Ричарда, и, хотя он и оказался совершенно никудышным риелтором, его предложение с поиском жильца было не лишено смысла.

– Я готова целовать землю, по которой ходил Ричард! Он женат? – добавила она.

На экране выплыла фотография гладко выбритого мужчины с белозубой улыбкой в костюме типичного клерка. Его звали Майлз. «Пятидневка – это мечта, – писал он. – Не надо тратить время, чтобы добраться до работы, и прозябать в пробках! Просто заскочил в холл офиса, приложил пропуск к считывателю, и вуаля! Ты уже на работе! Зато, когда наступает уик-энд, я по-настоящему еду домой. Даже не знаю, что еще добавить в пользу такой системы, она удовлетворяет всем требованиям. Даже ежику понятно!»

Успокойся, Майлз. Он выглядел так, будто решительно собирается перелезть через экран и приземлиться у меня на коленях, чтобы убедить в этом. Я прокрутила страницу вниз, чтобы для вящей убедительности прочитать несколько отзывов успешных «лендлордов» и «лендледи». «Мой жилец с понедельника по пятницу – человек интеллигентный, к тому же

---

¹⁴ Огромный семизэтажный лондонский универмаг, где продается всякая всячина.

просто приятно, когда в твоём окружении есть такие люди, – писала Мэнди. – И так здорово, что у него совсем немного вещей, мой дом не захламлен, поэтому он совсем не изменился и в нём не ощущается присутствие постороннего человека».

Вот это действительно важное дополнение, потому что в моей квартирке с двумя спальнями не так много места для ещё одного человека, не говоря уже о его пожитках. Особенно если учитывать моё любимое увлечение – шерстить магазины и рынки в поисках необычных вещей и тащить их домой. Например, совсем недавно я приобрела абстрактную африканскую скульптуру парящей птицы, которую поставила перед камином.

Появилась табличка с надписью: «ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ СЕЙЧАС!» Одним простым щелчком мыши собственники жилья могли сразу же принять условия соглашения.

– Ну и что ты думаешь об этом, Раскин? – поинтересовалась я. Он лежал на спине на своём обычном месте в кресле, свесив лапы. Я подошла, чтобы поцеловать его. – Ты не будешь чувствовать угрозу, если вдруг у нас в доме появится незнакомец, мой маленький тыквенный пирожок?

Вернувшись к компьютеру, я задалась вопросом, стоит ли мне зарегистрироваться прямо сейчас или отложить до завтра. У меня редко получалось сделать что-либо самостоятельно. Я всегда предпочитала лишний раз перестраховаться. Например, когда я за рулем, мне необходимо проехать по кольцевой дважды, дабы убедиться, что еду в правильном направлении. Эда раньше сводила с ума моя нерешительность. Папа говорит, что я доведу себя до могилы, паникуя по малейшему поводу: действительно ли выключила утюг, закрыла ли замок двери на два оборота.

– Джилли, все-таки подумай над моим предложением. – У меня в ушах снова и снова звучали слова, сказанные Ричардом во время нашего обеда в пабе. – Мужчина сможет помочь тебе с любым мелким ремонтом по дому: закрепить лейку душа, поменять электрические пробки, прочистить засор в трубах. Он даже будет в курсе, где находится запорный кран для воды.

– Я могу все это сделать сама, не вижу в этом проблемы! – неуверенно пробормотала я.

– Сдаюсь, но ты же не знаешь, кто может возникнуть у тебя на пороге. Быть может, если ты просмотришь достаточно кандидатур, ты встретишь суженого.

– Я не ищу суженого.

– Ну тогда суженую? Ты какой ориентации придерживаешься? – пошутил он.

Вспоминая наш разговор, я рассмеялась, когда на экране снова всплыл мистер Майлз, продолжая уверять, что одним нажатием кнопки я сделаю гигантский скачок к богатому и светлому будущему.

Не уппусти шанс, Джилли! Подумай о деньгах. Тебе они нужны. Я нажала на кнопку регистрации и затаила дыхание.

Так-то вот. Дело сделано. Без колебаний. Ричард гордился бы мной.

– Могу я тебя кое о чём спросить? – сказала я, чувствуя, что он выпытал у меня достаточно информации о личной жизни, и теперь настало время и ему оказаться в центре внимания. Кроме того, что Ричард крестник моего отца, больше я практически о нём ничего не знала. – Почему ты работаешь риелтором? Взгляни правде в глаза, это ведь совершенно не твоё?

Он пожал плечами.

– Я каждый день задаю себе тот же вопрос.

– И?

– Я всё ещё не знаю ответ.

– Ты счастлив?

– Счастлив? Сложный вопрос. Скорее всего нет, – просто ответил он. – Мне легко советовать тебе, что делать дальше, – признался он, тем самым показывая свою уязвимость, –

но когда речь заходит о нашей собственной жизни, мы никак не можем разгрести образовавшийся в ней бардак. Ведь так?

«Жизнь иногда напоминает навесной замок, который отказывается открываться», – вспомнила я его слова. Быть может, Ричард тоже ищет что-то, что сделает его счастливым?

Пожалуй, как и все мы.

4

Десять дней спустя

Я ввела свой пароль «BOBBY SHAFTOE». Это название народной песенки, которую в нашей семье пели моей младшей сестренке Мэган во время путешествия на машине к побережью.

Добро пожаловать, Джилли Браун, – сказали мне. Я нажала на плашку, которая вывела меня на профильную страничку с изображением моей комнаты. Ваш дом в районе Хаммерсмита просматривали 28 ПОСЕТИТЕЛЕЙ, но 0 ЗАПРОСОВ.

Я отключилась от сети, не веря своим глазам. Мой дом и я напоминали даму на балу без кавалера. Никто не хотел с нами танцевать. Что вообще происходит? Наверняка это какая-то техническая ошибка, но когда я повторила процесс заново, мне снова сообщили, что никто не заинтересовался моим предложением. Ноль запросов.

Я поискала сайт администратора для консультации. *Иногда письма о найме жилья по ошибке попадают в папки «Спам» или «Нежелательная почта»...* Ага! Я нырнула в папку «Спам», но ничего не обнаружила.

Может, сейчас упал спрос? Или мне нужно снизить арендную плату? Я на всякий случай просмотрела другие предложения: обшарпанная квартирка за Хаммерсмитским мостом с пластиковым диваном и заплесневелыми занавесками уже ушла. Она и вполтину не выглядела так хорошо, как моя, и они запросили на сто долларов больше, чем я. Еще один факт не в ее пользу: она находилась рядом с магистралью; я имела в виду, что для тех, кто собирается завести...

Нет, я отказывалась во все это верить.

Тут в дверь позвонили.

И ворвалась моя соседка Глория с растрепанными седыми волосами, в мешковатой фиолетовой футболке и черных лосинах; она всю жизнь живет одна и утверждает, что это ее осознанный выбор; ей только исполнилось шестьдесят, и недавно она покинула мир ароматерапии (она работала массажисткой). Каждую субботу по утрам мы с Глорией ходили в спортзал. Она являет собой восхитительный микс подружки, с которой можно покутить всю ночь, как она говорит, «поколбаситься», и того, с кем за чашкой горячего шоколада можно вести душевные беседы, одновременно слушая *Radio Four*.

Она вошла в мою жизнь пять лет назад, когда я только что принесла домой Раскина. Тогда Глория постучала ко мне, чтобы спросить, есть ли у меня электричество. Когда я посветила ей фонариком прямо в лицо, она поняла, что я тоже сижу без света. Еще Глория заметила мою взволнованность. Я рассказала ей, что исчез мой щенок.

Мы облазили всю квартиру вдоль и поперек и какие только ни выдвигали предположения. Быть может, он заперт в туалете на первом этаже? Или соскользнул по водосточной трубе? Или сидит под диваном? Но его нигде не было. Когда Глория увидела, что я подняла крышку заварочного чайника и отчаянно заглядываю в него, она объявила, что я чокнутая.

Затем она поманила меня, приложив палец к губам, и присела на корточки рядом с раковиной.

– Иди сюда, дорогая, – прошептала она. Раскин проскользнул в зазор между барабанной сушилкой и стиральной машинкой. После мягких уговоров он вышел, в его ушах застряла паутина.

– Не уверена, что смогу ухаживать за ним, – сказала я дрожащим голосом. В детстве я всегда хотела иметь собаку и умоляла маму разрешить завести щенка, но она сказала, что не справится со щенком и Мэган. «Я буду единственным человеком в нашей семье, кто будет с ним гулять», – заявила мама.

Я пообещала себе, что когда вырасту и у меня будет свой дом, я обязательно заведу собаку. Когда я приехала в приют для животных *Battersea Dogs*, Раскин оказался одним из первых, кто мне попался на глаза. Он крепко спал в корзинке, свернувшись калачиком, и напоминал фасолину. Как только я подошла, он открыл глаза и подошел ко мне, просунув лапу между прутьев клетки. Сопровождавшая меня сотрудница приюта сказала, что он никогда так не делал, и в тот момент я поняла, что это мой мальчик.

– Возможно, я совершила ошибку, – исповедовалась я той ночью Глории. Меня переполняло чувство ответственности. Глория передала его мне, этот комочек шерсти.

– Теперь ты его мама. Ты нужна ему.

– Привет, мое сокровище, – сказала она сейчас, с важным видом входя в мою гостиную и бросив свои плавательные принадлежности на софу. Раскин, виляя хвостом, бросился к ней стрелой, чтобы поприветствовать; Глория сгребла его в охапку и подхватила на руки.

– Почему ты еще не готова? – спросила она, когда увидела, что я все еще в пижаме.

– Прости. Иду-иду! – Я бросилась к столу. – Нравятся новые шлепанцы? – пробормотала я. – Разве они не прекрасны! Такие удобные и в тон моей заколке, и... они делают для меня все, но, положив руку на сердце, еще не научились оплачивать мои счета, – закончила я.

– Голубка моя, а что ты делаешь?

– Меняю свой профиль.

Глория села ближе.

– Пока не везет?

– Ага. Совсем глухо.

– Да такую квартиру с руками можно оторвать. К этому моменту уже несколько раз должны были клюнуть.

– Мы же не рыбу ловим, – засмеялась я.

– А ну подвинься, – потребовала она, – дай взглянуть.

Глория подробно изучила мое объявление.

– Сейчас школьные каникулы, – напомнила я. – В августе жизнь в Лондоне замирает.

Глория начала читать вслух заявку № 21. Это моя анкета.

– Я живу в Хаммерсмите, в доме с двумя спальнями в спокойном месте. – Она отпихнула меня и кликнула на кнопку «Редактировать детали». – Джилли, пора внести поправки и сделать художественное отступление.

Я взглянула на часы.

– А как насчет того, чтобы поплавать? – Мы с Глорией ходили в бассейн три раза в неделю и между собой называли себя олимпийцами. Как правило, нас все обгоняли. Другими словами, мы всегда плелись где-то в хвосте, но нас это ни капельки не волновало.

– Поставь чайник, – сказала она.

Глория описала нашу улицу как оживленное место с развитой инфраструктурой.

– Мне казалось, что все ищут тихий район. Разве нет?

– Нет, конечно! С таким же успехом можно было написать, что рядом находится кладбище! Неудивительно, что реакция нулевая. Твое объявление холодное, как зимний день в Сибири.

– В самом деле? – Я перечитала свой текст, и мне пришлось согласиться, что я вряд ли захотела бы переехать в такой район. Мое объявление звучало довольно скучно.

Глория поджала губы; судя по всему, она решила всерьез взяться за дело.

– О, смотри! Ты это читала? – Она радостно нажала на ссылку, которая привела нас на сайт, пестривший советами, касающимися того, на что больше всего обращают внимание жильцы, снимающие комнаты с понедельника по пятницу. – «С понедельника по пятницу я люблю общаться», – констатировала Глория. – Вот видишь! Они хотят веселиться! – Затем она зачитала то, что написала я: – «В шаговой доступности находятся несколько пабов».

– Ну да, в округе есть несколько пабов, – проговорила я.

О боже! Черт побери! Я уже с трудом сдерживаюсь и прошу Глорию:

– Продолжай! Не останавливайся. Можно написать, что в шаговой доступности не только великолепные пабы, но и куча кофеен, магазинов, – сказала я, совершенствуя свой текст. – И еще рядом с домом великолепный парк.

Вскоре мы с Глорией переписали мое объявление, с гордостью оповещая потенциальных жильцов с понедельника по пятницу о том, что я живу всего в нескольких секундах от станции метро и из моего района удобно добираться до любой автострады и аэропортов.

«Отличное транспортное сообщение», – напечатала Глория.

Она взглянула на следующий совет: *Многие жильцы хотят немного узнать о хозяине квартиры, поэтому не стесняйтесь и укажите как можно больше информации о себе. Разумеется, что сочтете нужным.*

Глория вернулась к моему объявлению и прямо с экрана прочитала:

– «Я люблю плавать, ходить в кино, читать и писать». Почему бы тебе не добавить, что по средам вечерами ты любишь играть в бинго, по четвергам предпочитаешь «Крокодила», а в перерывах между этим любишь ходить в новые места. Но послушай, на этой улице уже сдается одна комната для бойкого пенсионера, и ее сдаю я.

Я рассмеялась.

– О'кей. Напиши, что я запутавшаяся в жизни тридцатичетырехлетняя женщина и мне позарез нужны наличные.

У Глории дернулись губы, и, судя по ее виду, она глубоко погрузилась в размышления, прежде чем напечатать: «Мне тридцать два года...»

– Глория! Это не сайт знакомств. Ни в одном из объявлений о сдаче комнаты не указано, сколько лет хозяину. Или хозяйке.

– Совершенно верно. Ты хочешь выделиться из толпы и воспрять из пепла, как птица-феникс. Итак, ты обожаешь вечеринки, танцы... Какой твой любимый коктейль?

– Коктейль «Белая леди». – Свежевыжатый лимонный сок, джин и ликер «Куантро». Мы с Эдом готовили его постоянно. Это вошло у нас в привычку.

– Вкусненько, – согласилась она, печатая, когда весь текст вдруг неожиданно исчез. – Нет! – завопила она. – Я же ничего не сделала, просто нажала на эту кнопку. – Пока Глория отчаянно защищалась, я отстранила ее и нажала на другую кнопку. Все, что она сделала, – это уменьшила шрифт.

Когда мы добрались до конца объявления, у нас по-прежнему оставалось ощущение, что мы что-то пропустили.

– Я обожаю собак! – воскликнула я. – Нужно непременно об этом упомянуть. Люди любят собак!

– Знаешь что, девочка моя! – Глория произнесла это таким тоном, что у меня по спине побежали мурашки, будто она вот-вот отгаскает меня за волосы и надает по щекам.

Если хотите, Вы можете добавить фотографию к Вашему объявлению (фотографию дома, не Вашу!) Глория внимательно посмотрела на объявление, которое я разместила. В нем был снимок гостиной с камином, перед которым красовалась африканская скульптура. На книжных полках, ломившихся от романов, семейных фотографий и снимков друзей, расположились приглашения (я все еще не привыкла, что на них значилось только мое имя).

Глория тяжело вздохнула.

– А этот твой телевизор, дорогая, сущий ужас.

Я повернулась к своему старомодному ящику с экраном размером с муравья. Вот так так! Конечно, Глория была права. Подобная картина, словно бородавка, способна вызвать отвращение у любого, даже самого неприхотливого квартиранта «с понедельника по пятницу». Эд часто грозился купить мне новый телевизор, но я так гордилась тем, что не продала свою душу плазменному экрану.

– Одевайся. Да поживее, – сказала Глория. – Сейди придется немного поработать сегодня. – Сейди – это фиолетовый электрокар Глории.

– Я не могу себе позволить прямо сейчас купить новый телевизор, – сказала я. – Моя кредитка нуждается в отдыхе.

– Представь, что ты берешь его во временное пользование. – Когда мы добрались до входной двери, она повернулась ко мне: – Пока мы не тронулись в путь, хочу сказать, что я рада, что ты не уезжаешь.

– О, Глория, – взволнованно сказала я, – я тоже рада.

– Я хотела сказать, если бы ты переехала, кто бы тогда поливал мои цветы и кормил Гиннеса, пока я в отъезде. – Гиннес – это черно-белый кот Глории.

– И приводил в чувство твой компьютер. – В «экстренных» ситуациях Глория всегда звала меня, как «технически подкованного» человека, хотя в большинстве случаев моя помощь заключалась в том, что я поправляла кабель вай-фая. – Я бы скучала по своему собрату по олимпийской сборной. Так что давай надеяться, что после всех наших стараний я таки найду идеального жильца.

– Джилли, как только мы приведем в порядок объявление, от предложений не будет отбоя, – пообещала она.

5

Вечером того же дня, после того как мы с Глорией купили и установили в моей гостиной супернавороченный телевизор размером с теннисный корт (вульгарщина полная, я испытывала отвращение к самой себе), я помчалась к своему брату в Ричмонд, сильно опаздывая, потому что мне пришлось задержаться, чтобы попытаться поменять лампочку в точечном светильнике на кухне Глории. И все бы ничего, но Нэнси, жена Ника, с нашим отцом сходились в одном: они были ярые поборники пунктуальности.

Нэнси открыла дверь в элегантном темно-синем платье с запахом, кожа на ее загорелых ногах была идеально гладкой, а светлые волосы струились по грациозным плечам. Держа в руках бутылку вина и пару подарков для детей, я влетела в прихожую.

– Дети в постели. Уже слишком поздно, чтобы читать им, – заявила она.

Я всегда придумывала разные истории, чтобы рассказать племянницам перед сном.

– Можно мне просто забежать и поцеловать их?

– Давай, – натянуто улыбнулась она. – Только быстрее.

Стараясь проشمыгнуть мимо нее, я заметила в ее взгляде легкое неодобрение. Нэнси поняла, что я не переоделась к ужину. Она свято верила, что переодеваться к ужину – очень важно, чтобы добавить новую главу к этому дню.

– Не переживай, – сказала Нэнси, когда я жестом указала на свои джинсы, – лучше подумай, что ты действительно забыла сделать? – с улыбкой спросила она и мягко подтолкнула локтем, хотя с удовольствием бы отхлестала меня розгами.

– Ох, да, прости! – Я сбросила туфли и помчалась наверх, чтобы поцеловать Ханну и Матильду.

Через несколько минут я присоединилась к Нэнси на кухне, на столе были безукоризненно разложены выглаженные льняные салфетки и столовый сервиз белого костяного фарфора.

– Тебе чем-нибудь помочь? – спросила я, прежде чем добавить, что очень вкусно пахнет.

– Нет-нет, садись. – Нэнси открыла дверцу холодильника, которая была вся увешана фотографиями детей и их произведениями искусства, и достала бутылку белого вина. Она наполнила наши бокалы, попутно сетуя, что если мой брат не придет домой вовремя, то ужин сгорит. Ник – юрист. Его специализация – разводы.

– Нэнси, он всегда возвращается так поздно? – с беспокойством спросила я.

– Всегда, – ответила она. – Он живет в своем «кровожадном» офисе.

Пока Нэнси потчевала меня рассказами о скандале с учителем музыки Ханны (Ханне семь лет, Матильде – четыре), мои мысли блуждали вокруг Мэган. Как бы мне хотелось, чтобы она была с нами сегодня вечером. Я часто думаю о ней. Возможно, она, как отец и Ник, сделала бы успешную карьеру адвоката или была бы больше похожа на меня? Когда я услышала, что поворачивается ключ в замке, Нэнси застыла, глядя на часы. Ник влетел в коридор, сбросил с себя куртку, ослабил узел галстука и водрузил свой портфель на кухонный стол, извиняясь передо мной за опоздание. Нэнси подхватила его портфель и приказала повесить пиджак на вешалку.

– Ты купил молоко?

Выражение его лица говорило само за себя: он забыл.

– Николас! Я не смогу завтра приготовить детям нормальный завтрак!

После того как он извинился, она решила поцеловать себя в щеку.

– Это просто такой новый рецепт от Делии¹⁵. – Нэнси улыбалась, пока ставила на стол великолепные тарталетки с начинкой из миниатюрных луковичек в качестве закуски. Затем она, как всегда, спросила о моих делах на любовном фронте. Я постаралась перевести разговор на другую тему и принялась расхваливать тесто, но Нэнси не позволила мне так просто отделаться. Видите ли, она любила Эда и скучала по нашим совместным ужинам. Эд мгновенно раскусил Нэнси; он неплохо разбирался в людях, видимо, поэтому он хороший бизнесмен. «Она требует слишком много внимания, – говорил он. – Неуверенная в себе. В глубине души эта женщина жаждет одобрения и признания».

«Стоп. Перестань. О нем. Думать».

Я ответила Нэнси, что на данный момент на горизонте нет ни одной подходящей кандидатуры. И добавила, что мне кажется, будто все привлекательные одинокие мужчины ушли в подполье. Хотя мне вдруг стало любопытно, кто тот молодой человек в кепке, который сегодня утром гулял с собакой. Что-то в нем было интересное.

– Забей, – сказал Ник, помогая мне сменить тему разговора. – Что еще новенького?

Я всегда поражаюсь, когда смотрю на своего брата-близнеца. Он, как и я, высокий, с темно-каштановыми волосами, но за последние несколько лет, как мне кажется, Ник постарел, а его бледная кожа свидетельствовала о том, что он слишком много времени проводит за компьютером.

– Ну, я разместила объявление о поиске квартиранта с понедельника по пятницу, – рассказала я.

– Неужели это пользуется спросом? – спросила Нэнси.

Я рассказала им о смысле снимать жилье только на будние дни.

– Мне кажется, это очень смелый поступок: отпускать мужа на целую неделю, – прокомментировала Нэнси. – Я тебе ни за что не позволю подобное, Николас.

Ник улыбнулся и посмотрел на меня.

– Хотя на самом деле ты и так живешь в офисе, так что особой разницы нет, – поразмыслив, заключила она.

Когда Нэнси пошла проверить детей, Ник наклонился ко мне.

– Думаю, это отличная идея, – ухмыльнувшись, изрек он. – Учитывая скорость, с которой она тратит деньги, нам тоже скоро придется сдать в аренду свободную комнату.

– Вау! Выглядит просто потрясающе! – воскликнула я, когда Нэнси поставила передо мной кусок изысканного абрикосового пирога, рядом с которым лежал шарик ванильного мороженого.

– Просто это рецепт от Найджелы¹⁶, – сказала она. – А теперь, Джилли, пора уже начать думать о вашем дне рождения.

– Ноябрь еще не скоро, – отделалась я.

– Нэнси нужен план, – тихонько пробормотал Ник, пока она загибала пальцы, чтобы точно сосчитать, сколько времени осталось.

– Всего три месяца, – подытожила она, – и если мы собираемся снять шатер...

– Нет, – сказала я, придя в ужас от этой идеи. – Ник, а ты что собираешься делать на день рождения?

– Ничего, – ответил он.

– Ничего? – удивилась я. Обычно он обожает всякого рода вечеринки.

– Быть может, задернуть шторы и спрятаться под одеялом? – предложил Ник.

---

¹⁵ Делия Смит – известная ведущая популярной кулинарной программы на телеканале BBC.

¹⁶ Найджела Лоусон – известная британская журналистка, телеведущая, ресторанный критик, владелец собственного бренда кухонной посуды, чьи кулинарные шоу пользуются огромной популярностью.

– Ну, меня это несколько не удивляет, – недовольно пробурчала Нэнси. – Я вышла замуж за зануду. А ты, Джилли, не лучше, – добавила она, увидев, как я хихикаю, тем самым давая понять, что это у нас семейное.

– Прости, Нэнси, возможно, я и затею что-нибудь, но...

– Послушай, Джилли, я понимаю, что тридцать пять лет – сложный возраст, пограничный. Не пойми меня превратно, мне тоже знакомо это чувство.

– Да все в порядке! Я не ощущаю себя как-то по-особенному.

– Наверное, нелегко, когда тебе за тридцать и ты одинока, особенно живя в Лондоне, – продолжила Нэнси.

Я подняла бокал и сделала большой глоток, прежде чем извиниться и отправиться в дамскую комнату.

– У Джилли впереди еще достаточно времени, чтобы встретить подходящего парня, – до меня долетели слова Ника, пока я шла по коридору обратно на кухню, – а после того, что сделал Эд, разумеется, она с опаской относится к новым знакомым.

Я остановилась за дверью.

– Николас, неужели ты не понимаешь...

– Говори тише, – предупредил он.

– ...что для женщины это очень тяжело. Наши биологические часы тикают. И если она постоянно будет откладывать на потом...

Я как ошпаренная взлетела по лестнице и только в кабинете Ника почувствовала себя в безопасности. Я села за стол и глубоко вздохнула. «Только не позволяй ей добраться до тебя, Джилли», – крутилось в моей голове. Иногда мне хотелось убить Ника из-за того, что ему взбрело в голову жениться на Нэнси.

Когда они познакомились, он не мог дожждаться, чтобы представить нам с папой эту замечательную, красивую и мужественную женщину, на которую, по словам Ника, он «запал». У них был бурный роман, и всего после двух месяцев знакомства брат сделал ей предложение. Прежде чем познакомить нас, Ник предупредил, чтобы мы не задавали Нэнси слишком много вопросов о ее семье. Она давно не общалась со своим отцом-алкоголиком и никчемной мамашей, которая в поисках лучшей жизни отправилась в Лондон и жила там на пособие по безработице. Ник с гордостью сообщил, что Нэнси не любит, когда ей напоминают об этом. Они встретились на работе. Нэнси была присяжным бухгалтером в юридической фирме одного из партнеров Ника. Я сомневалась, что Нэнси мне понравится, но ей удалось восхитить и меня, и моего отца. Несложно было заметить, что Ник по уши влюблен в эту женщину с длинными светлыми волосами, пухлыми губками и глазами цвета голубого денима. Бессмысленно отрицать, что Нэнси красива. Помню, тогда я подумала, что она относится к тем женщинам, которыми мечтают стать маленькие девочки, когда вырастут.

Я слышала, как Ник и Нэнси продолжают препираться внизу. И решила, что они могли бы стать идеальными героями для рекламного ролика, почему не стоит выходить замуж/жениться. О своих племянницах я ничего подобного сказать не могла. Мне нравилось по выходным гулять с ними в парке и покупать им мороженое. Я улыбнулась, вдруг вспомнив, как Ник играет с девочками и кричит: «Кто последний, тот перед чаем должен съесть брюссельскую капусту!»

Я бросила взгляд на ноутбук Ника. Мне вдруг стало жутко интересно, есть ли хоть какой-то отклик на мое объявление, пока я торчу здесь. Я не удержалась и зашла на сайт.

Добро пожаловать, Джилли, – поприветствовали меня.

– В этом нет необходимости, – пробормотала я, ожидая, когда же наконец будет принят мой пароль.

Я уставилась на экран и не поверила своим глазам.

Мне хотелось завизжать, но в этот момент в комнату вошел Ник и обнял меня.

– Прости, Джилли. Нэнси иногда ведет себя легкомысленно.

– Нет! – Я отстранилась от него. – Все в порядке. Она права, – признала я. – Мои часы тикают... Но, Ник, ты только посмотри!

У Вас 55 ПРОСМОТРОВ и 10 ОТКЛИКОВ.

– Тише! – с улыбкой сказал он, наблюдая, как я взбудоражена.

И тут мы услышали, как одна из моих племянниц заплакала в детской комнате.

– Успокойся, милая, – утешал Ник Матильду, которая проснулась и теперь сидела в кровати и рыдала. Он протянул ей бутылочку с изображением Золушки. – Десять просмотров, – прошептал он. – Здорово!

– Тетя Джилли! – закричала Тильда и приложила к своим губам пальчик, но я все же подошла к кровати, чтобы поцеловать ее на ночь еще раз. У нее было мягкое круглое личико, и она пахла молоком.

– А где Раскин? – спросила она. Тильда всегда говорит, что выйдет замуж за Раскина.

– Он в стране снов, – прошептала я.

Ханна продолжала мирно посапывать, растянувшись на кровати по диагонали. Она была старше Тильды на три года, очень любила играть на пианино и кататься на велосипеде, хотя в последнее время я стала замечать, что она постепенно охладевает к своим прежним увлечениям. С недавних пор единственное, что она хотела, – смотреть телевизор.

Обе мои племянницы были жутко хорошенькими, с длинными рыжеватыми волосами, заплетенными во французские косички, и точеными ножками. Одним словом, я их обожала.

– Да, кстати, утром звонила мама, – тихо сказал Ник, когда мы уже вышли из детской.

– Отлично. – Если честно, я волновалась за нее. Она живет в Перте с Патриком, он виноторговец. Мама переехала в Австралию сразу после рождения Ханны. В глубине души Ник счастлив был побыстрее проводить ее, потому что так и не смог простить ее отъезда. Я испытывала несколько другие чувства, хотя не могу сказать, что не хотела, чтобы она уехала. Папа совсем не удивился ее решению, потому что узнал о Патрике гораздо раньше нас.

– Как она? – поинтересовалась я.

– Вполне себе счастлива, – просто ответил он, поглядывая на часы. – Прости, Джилли, – добавил Ник, направляясь к себе в кабинет, – в последнее время ужасно много работы. Многих сократили, и если я не закончу дело...

– Ник, ты устал. Неужели это не может подождать до завтра? – осторожно намекнула я, вспомнив, как Нэнси за ужином выясняла отношения.

Он измученно кивнул:

– Ты права. Я спущусь на секунду, – пообещал он.

Потом я уже в одиночестве присоединилась к Нэнси на кухне, чтобы помочь убрать со стола.

Уже лежа в постели, я никак не могла заснуть и все думала о маме. Иногда я скучала по ней и хотела, чтобы все сложилось по-другому. Порой я ловила себя на мысли, что часто думаю о том, что было бы, если бы папа простил ей все эти годы и она вернулась домой. И как бы все сложилось, если бы я осталась жить с ней, когда они развелись.

Сегодня вечером я задумалась об этом всерьез. Когда я помогала Нэнси убирать со стола, она извинилась, что, возможно, повела себя бестактно, и сказала, что в конечном счете единственное, чего она хочет, чтобы я была счастлива.

– Я тоже, – поблагодарила ее я. – Но, Нэнси, на этот раз я хочу, чтобы все было по-другому. Я не хочу, чтобы мне снова причинили боль.

Как лошадь и жокей на состязании по преодолению препятствий, нам с Нэнси удалось направить разговор в правильном направлении, пока мы не добрались до последнего пре-

пятствия. Нэнси сказала, что я не должна забывать, с какими проблемами столкнулась мама, когда родилась Мэган.

– По статистике, женщины определенного возраста подвержены риску родить неполноценного...

– Нэнси, я все равно оставила бы его. – И с этими словами я удалилась.

Я взяла фотографию в серебристой рамке, на которой была Мэган, сидящая в изголовье моей кровати. У нее было такое же круглое мягкое лицо, как у Матильды, сияющая кожа и большие, как у папы, улыбающиеся глаза. Ник не любил говорить о ней. Он предпочел выкинуть из памяти ту часть жизни, в которой присутствовала Мэган, как закрывают скучную прочитанную книгу и никогда к ней не возвращаются. Тем не менее я думала о ней часто. Особенно по ночам.

Медленно я погрузилась в сон.

6

Декабрь, 1984

Мы с Ником и нашей няней Лизой смотрели сериал «Жители Вест-Энда»¹⁷, держа на коленях тарелки с макаронами. Обычно нам не разрешали его смотреть, но этим утром папа повез маму в больницу. Сначала я услышала стон, а затем:

– Боже, кажется, началось!

Я выскочила на лестницу, чтобы посмотреть, что происходит. Ник даже не проснулся.

– Мам! – испуганно позвала я.

– Ступай в свою комнату! – приказал папа. Через несколько секунд он уже стоял около моей постели и заверял, что Лиза прибежит по первому нашему зову и отведет нас с Ником в школу. – Все будет хорошо! – сказал он.

Мне показалось, что папа сильно взволнован. Когда они уехали, я закрыла глаза и начала мечтать о младшей сестренке. Мне хотелось заплетать ей косички и красить ногти.

Я посмотрела на Лизу, свернувшуюся калачиком на софе, поджав свои длинные ноги. Ей было девятнадцать лет, и у нее были крашенные золотистые волосы, идеально прямые, как римская дорога. Каждый вечер перед сном я молилась, чтобы быть похожей на нее, но наутро обнаруживала, что я все та же Джилли с серыми глазами, которые иногда казались темно-синими. Мама говорила, что мне очень повезло, что у меня темные волосы и волшебные глаза, которые меняют цвет в зависимости от того, какую кофту я надеваю.

– Ты как хамелеон, – утверждала она, а затем продолжала убеждать, что я никогда не должна желать быть кем-то еще, и гордиться тем, какая я есть, и прислушиваться к своему внутреннему голосу, чего бы он мне ни советовал.

Лиза часто присматривала за мной и Ником. Когда мы были намного меньше (теперь нам исполнилось восемь), родители вечерами частенько куда-нибудь выбирались вдвоем. Я любила сидеть на маминой кровати и смотреть, как она собирается – пудрит носик, красит губы. Я ковырялась в ее шкатулке с драгоценностями и примеряла туфли на высоченных каблуках. Она периодически меняла обувь из своего арсенала в зависимости от мероприятия, на которое они собирались. Маме всегда нравилась странная еда под названием «суши». А папа обожал карри. Она любила балет, а он говорил, что терпеть не может, когда мужчины прыгают на сцене в трико. «Не вздумай жениться на женщине, похожей на твою мать! – однажды посоветовал папа моему брату после очередной сальса-вечеринки. – А теперь она грозит затащить меня на уроки по пилотированию. Думаю, она хочет моей смерти!»

С тех пор как мама забеременела, они перестали куда-либо выбираться. Мне кажется, папа втайне радовался, что они проводят вечера дома. Вернувшись с работы, он любил принять ванну. Он наливал себе стаканчик чего-нибудь, как правило, виски, поднимался наверх и запирался в ванной.

До того как мама забеременела, они с папой нередко о чем-то спорили. Постоянно слышались крики. Однажды он сказал, что она слишком стара, чтобы рожать еще одного ребенка, и тогда мама выплеснула на него бокал вина. Он говорил, что не хочет иметь неполноценного ребенка. После этих баталий мы с Ником частенько спали в одной комнате.

Стара... Маме тогда исполнилось сорок два года. Они с папой поженились, когда ей было двадцать семь.

---

¹⁷ Популярная британская мыльная опера.

Родители много раз пересказывали нам историю о том, как им повезло, что у них появились чудо-близнецы. Я часто наблюдала за братом, когда он смотрел телевизор, и каждый раз думала, как же мне не нравится, как мама нас стрижет. Мы оба носили жуткие челки.

После семи лет брака у них не было детей, и они даже решили усыновить ребенка. А за неделю до того, как пришли бумаги, касающиеся усыновления, мама узнала, что беременна и что у нее будет двойня. «Мои семь невезучих лет подошли к концу», – тогда сказала она. После того как мы с Ником появились на свет, мама с трудом справлялась с нами. Попутно она вела домашнее хозяйство, поэтому времени катастрофически не хватало, где уж тут думать о еще одном ребенке.

– Ты что, беременна? – спросил папа, когда однажды мы все собрались на кухне. Мама специально позвала нас с Ником, чтобы сообщить эту новость.

Папа налил себе джин и залпом осушил стакан.

– Ник, Джилли, мне нужно поговорить с вашей мамой наедине.

Мы вышли из кухни, поднялись наверх и, затаив дыхание, пристроились на верхней ступеньке.

– Пожалуйста, скажи, что ты счастлив, – услышали мы мамин голос.

– Бет, ты обещала, что будешь предохраняться. И чего ты теперь от меня ожидаешь? Что я, как безумный, буду скакать от счастья?

– Уилл, я уверена, что, когда родится ребенок, ты изменишь свое отношение. Я не сомневаюсь.

– Мы договорились, что остановимся на двоих.

– Но мне скучно! Дети в школе и...

– Из всех эгоистичных поступков, которые можно совершить исподтишка, ты сделала...

Я поинтересовалась у брата, что значит «исподтишка».

– Это что-то очень плохое, Джилли. Неприличное. Я так думаю, – прошептал Ник.

– Мне это нужно, – продолжала мама.

– Но дело ведь не только в тебе! – закричал отец, и послышался шум, а следом и крик мамы:

– Подожди, Уилл!

Входная дверь захлопнулась. Мы тихонько проскользнули в спальню Ника. А затем услышали звук заведенного двигателя. Я выглянула в окно и увидела, как папина машина исчезает в ночи.

– Может, сегодня поспишь в моей спальне? – с надеждой спросил Ник. – Хочешь, я уступлю тебе место наверху?

Будучи беременной третьим ребенком, мама чувствовала себя неважно. Она постоянно спала днем и частенько просила Лизу приехать в выходные и поиграть с нами. Лиза любила бывать у нас, потому что ей нравился отец. Иногда папа водил нас в Палеонтологический музей, куда мы добирались на двухэтажном автобусе, или в Музей мадам Тюссо, а потом мы неизменно ели пиццу «Пепперони».

Лиза убирала со стола посуду, а я гипнотизировала телефон. Весь день внизу живота тянуло и меня преследовали нехорошие ощущения, что вот-вот позвонит директор школы миссис Уорд, вызовет к себе в кабинет и сообщит, что мама умерла, потому что уже старая.

Вдруг в двери повернулся ключ. Мы с Ником посмотрели друг на друга. Лиза быстро накрасила губы и чем-то дурно пахнущим сбрызнула запястья.

В дом вошел папа и, даже не сняв свой толстый ворсистый свитер и шарф, сел напротив меня.

– Прости, Ник! – покачал он головой. – Теперь у тебя целых две властных сестры.

- Ура! Девочка! – вскрикнула я и бросилась ему на шею.
- Да! И она хорошенькая и здоровенькая, а мама передает вам огромный привет и целует. – Его рубашка пахла больницей и стиральным порошком.
- Как собираетесь назвать ее? – спросила Лиза, разглядывая свои волосы.
- Мэган, – ответил он. – Мы назовем ее Мэган, в честь моей мамы.

7

Мы с Раскином мчались через ворота Равенскорт-парка, чтобы побыстрее попасть в оазис спокойствия. Ричард был прав. Зачем рваться за город, когда буквально под окнами дома у меня прекрасный парк? Иногда опасно допускать мысль, что где-то трава зеленее.

Я прошла мимо кафе, где всегда покупали утренний кофе, привязав своих собак к воротам парка. А затем недалеко от входа в сад свернула на тропинку, которая вела в открытое поле, где обычно собирались мои друзья-собачники. Там уже стоял Уолтер, крепко державший на поводке своего эрдельтерьера Спайка, потому что тот был чрезвычайно влюбчивым, особенно когда речь заходила о Харди, карликовом шнауцере. Теперь Спайку приходилось носить намордник, потому что у него появилась дурная привычка задираť собак не из нашей компашки. Мэри, мой босс и «главарь» нашей шайки, тоже была тут. Она отчитывала Уолтера за то, что тот вверх тормашками надел на Спайка намордник.

– Ради всего святого, Уолтер, ремни намордника должны быть над его глазами, – кричала она.

Сегодня поверх своего наряда она надела стильный джинсовый фартук. Мэри не нравилось, когда на ее одежде оставались следы грязных лап. С силой бизона она швыряла Базилику жеваный синий мячик, который он тут же приносил обратно. Он носился со скоростью олимпийского призера. К тому времени как мы пришли в наш антикварный магазин, они с Раскином так устали, что целый день продряхли.

После знакомства с Мэри под огромным дубом четыре года назад мы – Уолтер, Саманта, Брижит и Ариэль – встречались здесь каждый день; это место притягивало нас словно магнит. Сэм была моей ровесницей и имела мужа и троих детей. Брижит – наполовину француженка, работала ресторанным критиком. Ариэлю, самому юному в нашей компашке, было двадцать шесть, и у него имелся постоянный бойфренд Грэхэм. Он вроде меня успел поработать в тысячи разных мест, но истинной его страстью являлась музыка. В настоящее время Ариэль преподавал музыку в одной из школ Хаммерсмита. Почти каждый день он на велосипеде нарезал по парку круги вместе с Пагси, его черным мопсом, восседавшим в передней корзине. Уолтер уже вышел на пенсию, ему было около семидесяти. Когда-то он работал мойщиком окон.

Как только я приблизилась к нашей компании, мы поздоровались и начали обмениваться новостями. Уолтер сегодня выглядел подавленным.

– Я немного расстроен, – признался он. – Мой новый телевизор не желает работать. Я должен хорошенько ударить по нему, чтобы включить. Ко всему прочему, он слишком дорогой.

– Бракованный, – хором ответили мы.

– Возмутительно! – воскликнула Брижит.

– Вы должны пойти в магазин и поговорить с менеджером, – посоветовал Ариэль.

Сегодня Ариэль был в узких джинсах и белой футболке. Также я заметила его новую прическу. Теперь волосы были короткими и светлыми, что выгодно подчеркивало его карие глаза. У Ариэля был особый типаж, он мог каждый месяц выглядеть по-разному; я всегда с гордостью говорила, что он также универсален, как и Мадонна.

Затем я обмолвилась о своих успехах – тринадцать откликов от потенциальных квартирантов с понедельника по пятницу. Этим утром к ним добавились еще три.

– Так ты так и не сдвинулась с мертвой точки? – спросила Сэм, которая была в отпуске и теперь пыталась восполнить упущенные дни. Даже летом она выглядела очень бледной, потому что у нее была очень тонкая кожа.

– Пока нет.

– Слава праотцам! – в присущей ему манере воскликнул Ариэль. – Пагси скучал бы по тебе, – добавил он, указывая на Пагси, который, не обращая ни на кого внимания, вынюхивал что-то зловещее в траве.

– Хорошо, что ты передумала. Мы не хотим, чтобы ты уезжала, – сказала Сэм. У нее были ярко-красные волосы, заразительный смех и фигура, которая вдохновляла меня почаще показываться в спортзале. Она сидела на диете под названием «семья», поэтому работала неполный день секретарем в архитектурной фирме. Сэм была хозяйкой Харди, миниатюрного шнауцера, который приглянулся эрдельтерьеру Спайку.

– Я бы скучал по твоему милому личику, – внес свою лепту Уолтер. Он никогда не был женат, но очень любил пофлиртовать и, с тех пор как оставил работу мойщика окон (слишком тяжело тягать лестницу) и присоединился к компании собачников Хаммерсмита, не отказывал себе в этом удовольствии. В настоящий момент он был хозяином не только Спайка, но и приютского пса по имени Густо. Его редко можно было встретить без рюкзака цвета хаки, набитого разными собачьими принадлежностями.

– Всегда считала, что уехать – плохая идея, – с сильным французским акцентом добавила Брижит.

– Я тоже, – не желая отставать от остальных, вставила Мэри. – Ты не смогла бы жить затворницей. – Я не стала напоминать ей, что изначально она считала это отличной идеей, причем довольно продолжительное время, пока я сама не оставила эту затею и не переключилась на другую.

– Так что с теми тринадцатью откликами? – спросила Сэм. – Кто все эти люди и откуда они?

Я рассказала им о моей беседе с неким Роем Хэддоком¹⁸ прошлым вечером, и все рассмеялись.

– Когда-то я был знаком с неким мистером Траутом¹⁹, – пробормотал Уолтер.

– Рой, – повторила Мэри. – Что-то мне не очень нравится это имя. Я сразу почему-то представляю большого толстого мужика...

– С пивным животом, – закончила Сэм.

– Не будьте снобами, – сказал кто-то.

Вдруг мы все, как по команде, повернулись, когда мимо нас проходил мужчина в армейских ботинках, футболке и морской кепке и тянул за собой на поводке шотландского терьера. Что-то в нем показалось знакомым. Тут меня осенило. Я узнала его! Я видела его буквально на днях. Он был высокий, неряшливого вида, с недельной щетиной и примерно моего возраста. На самом деле он выглядел так, как будто только что вылез из постели, но его голубые глаза светились любопытством.

– Простите, что прерываю вас, – сказал он, с интересом изучая нашу компанию. – Это официальный час выгула собак? – Он улыбнулся, и в этом было нечто притягательное, что сразу вызвало к нему доверие. Я также глазами намекнула Ариэлю присмотреться к нему.

– Симпатяга, – прошептал он. – Джилли, поинтересуйся, может, он не занят. Не мешкай, надо когда-то начинать действовать.

Я наступила Ариэлю на ногу, и он тут же завизжал.

Незнакомец недоуменно посмотрел на нас.

– С вами все в порядке? – спросил он Ариэля, который все еще притворно скакал на одной ноге, изображая страдание.

– Да-да, он в порядке, – ответила я, игнорируя хмурые взгляды Ариэля.

---

¹⁸ Хэддок (Haddock) – пикша, род рыб из семейства тресковых (англ.).

¹⁹ Траут (Trout) – радужная форель (англ.).

Как бы то ни было, я вкратце рассказала ему о своих планах найти квартиранта, извинившись перед Мэри, которая уже миллион раз слышала об этом.

– Основная проблема с квартирантами состоит в том, что в итоге вы каждый вечер будете убегать из дома, только чтобы не встречаться с ними, – сказал он.

– Поэтому лучший вариант – чтобы квартирант жил только с понедельника по пятницу, – заявила я.

– С понедельника по пятницу? А что он будет делать в выходные?

– Сваливать куда-нибудь, – просветила Мэри, прикуривая сигарету.

Мы не представились друг другу; но вместо этого познакомили его со своими собаками и поведали, что собаку Брижит зовут Мусс, пса Сэм – Харди, Базилик – питомец Мэри, которая назвала его в честь любимой травы, растущей у нее на террасе. Мэри не преминула добавить, что в этом году она вырастила сказочные помидоры. Потом я представила Раскина и Пагси.

Пока мы смотрели на этого мужчину в морской кепке, пытаюсь раскусить его, я словно перенеслась в школьные годы. Наша компания всегда настроженно относилась к новичкам. Мы будто сговаривались, когда кто-то незнакомый вторгался в наш мирок, потому что боялись, что он может нарушить привычное равновесие.

Тем не менее я рассказала незнакомцу, что на мое объявление уже есть тринадцать откликов и прошлым вечером я уже побеседовала с одним из претендентов.

– Тринадцать?

Я ожидала, что его это впечатлит.

– Неудачное число для некоторых, – в итоге произнес он.

После прогулки мы с Мэри и собаками отправились на работу. В метро, пока мы ехали по направлению к Слоун-сквер, Мэри сильно толкнула меня в бок.

– Ты только посмотри на них. – Она показала на людей, сидевших напротив нас. Все, как один, были в наушниках.

– Т-с-с, – предостерегла я.

– Они выглядят как полумертвые. – Мэри любила все комментировать, но проблема заключалась в том, что она совершенно не умела говорить тихо. – Ноль эмоций, – цыкнула она.

Один из наших попутчиков вдруг поднял глаза и уставился на нее.

К счастью, Мэри замолчала и достала книгу. Пока грохотал поезд, мне вдруг пришло в голову, что надо бы хорошенько прибраться до прихода мистера Хэддока. Мы договорились с ним на сегодняшний вечер. Я надеялась, что он окажется приятным. Затем мои мысли снова переключились на незнакомца в морской кепке. Не знаю почему, но у меня появилось странное предчувствие, что он станет важным человеком в моей жизни. Я решила, что когда мы встретимся в следующий раз, я обязательно предложу ему выпить кофе. Надежда, что он опять присоединится к нашей компании, меня не оставляла.

Мы с Мэри вышли из поезда, я взяла на руки Раскина и приложила проездной к турникету, после чего он пропустил нас обоих. Во время прогулки я спросила незнакомца: «Как зовут вашу собаку?», поскольку он не собирался добровольно называть имя. Хотя мужчина и держался дружелюбно, что-то в его поведении было странным.

– Бедолага, – ответил он своим привычным тихим голосом.

8

Рой опаздывал уже на двадцать минут. «Не нужно больше пить», – говорила я себе, наполняя вином очередной бокал. Скептически окинув взглядом гостиную, я схватила щетку Раскина и жеваного игрушечного кролика и затолкала в шкаф. Затем повесила на вешалку свой плащ, пинком убрала с дороги собачий поводок и рожок для обуви. Я посмотрела на себя в зеркало. Сегодня я нарядилась в темные джинсы и черный топик, а волосы подвязала шарфом с леопардовым принтом.

Когда в дверь постучали, я от неожиданности подпрыгнула. «Спокойно», – сказала я себе.

Несмотря на то что от волнения сердце у меня готово было выпрыгнуть из груди, я нацепила свою лучшую улыбку.

И открыла дверь.

– Ох, Глория.

Она заглянула в гостиную и шепотом спросила:

– Он еще не пришел?

– Нет!

– Почему бы мне тогда не спрятаться в туалете?

Я нажала на дверную ручку и почти силком выпроводила ее за дверь.

– Нам нужно придумать шифр, – на полпути проронила Глория. – Если мистер Рыба окажется жутким, то несколько раз открой и закрой жалюзи.

Прошло еще десять минут, и вдруг зазвонил телефон. Джонни, парень, с которым я познакомилась на своей прошлой работе, предлагал встретиться сегодня вечером.

– Сегодня не могу, – сказала я, но предложила пересечься на следующей неделе.

– Конечно, – с энтузиазмом ответил он. Я знала, что он питает ко мне слабость, и искренне хотела чувствовать нечто подобное.

Вскоре мой телефон стал разрываться от звонков. Сначала позвонил папа, потом Анна, спрашивавшая, не хочу ли я сегодня подкрепиться пиццей и сходить в кино.

– Не могу, – пришлось отказать мне. – Сегодня я встречаюсь с мистером Хэддоком, моим квартирантом с понедельника по пятницу.

– Рой Хэддок, – задумчиво проговорила она. И в ее голосе отчетливо слышался смех. – Как знать, Джилли, быть может, он окажется мужчиной твоей мечты, – намекнула она.

– Ох, Анна, – запротестовала я, но, поразмыслив еще раз...

– Мы познакомились на сайте по поиску квартирантов с понедельника по пятницу. – Я уже воображала, как толкаю свадебную речь, с гордостью сжимая микрофон.

Я стою рядом с мистером Роем, таким же красивым, как Джеймс Бонд. Наш свадебный шатер установлен на территории английского поместья, а на столах стоят свечи. Я одета в простое, но элегантное платье цвета слоновой кости.

– После разрыва с Эдвардом, – продолжаю я, – я уже не надеялась снова встретить кого-то... пока не познакомилась с Роем.

Вздохи. Восхищение. Удивление.

– Но если быть абсолютно честной, – говорю я, кладя руку на сердце, – меня немного смущало его имя...

Рой игриво толкает меня в бок.

– И то, что он сильно опоздал.

Семья и друзья смеются и аплодируют, приветствуя меня.

– Но когда я открыла дверь...

– Привет! – Я увидела высокого мужчину со спортивным велосипедом цвета металлик. Он был в защитном фиолетовом шлеме, из-под которого торчали волосы морковного цвета, и шортах, демонстрировавших его волосатые мускулистые ноги.

– Прости, что опоздал, – сказал он.

«Быстро сотри с лица разочарование, Джилли, и пригласи его войти».

– Не возражаете, если я оставлю велосипед в саду?

– Конечно, – чуть ли не прокричала я.

– Отлично. – Он протиснулся в гостиную; Раскин тут же залаял, возмущившись столь грубым вторжением.

– Эй, малый, – протянул он. – И как же зовут этого крошечного развязного парня?

С отчаянием я посмотрела на окно спальни Глории, но ее там не оказалось. Рой припарковал свой велосипед около полублупившейся стены в моем саду.

– Велосипеды – это просто кошмар, потому что в наше время их больше нельзя просто взять и бросить на улице. Обязательно упрут.

– А разве у вас нет блокировки? – поинтересовалась я, думая, что разумнее было бы прикрутить велосипед к фонарному столбу.

– Угу, но воры сейчас ушлые, им ничего не стоит перекусить цепь, у них не заржавеет. – В этот момент я уже начала паниковать насчет того, как долго Рой планирует у меня оставаться. На самом деле мне совсем не улыбалось, чтобы во время осмотра моего жилища претендентом № 21 поблизости притаились воры, готовые в любой момент перекусить цепь велосипеда. Рой вернулся на кухню и взял из плетеной корзины для фруктов яблоко. Потом начал полировать его о свою потную футболку, как будто это был мяч для крикета.

Я спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Он попросил стакан воды.

– Спасибо! Приятное местечко. – Он несколько раз кивнул в знак одобрения. – И давно вы здесь живете?

– Почти четыре года.

– А почему вы решили пустить жильца? – подмигнул мужчина.

«Мне нужно платить коммунальный налог», – подумала я, но вслух сказала:

– Просто решила, что перемены пойдут мне на пользу, – улыбнувшись ответила я.

Судя по его футболке, он был фанатом «Манчестер Юнайтед», и я с ужасом представила, как он переключает канал с *How to Look Good Naked*²⁰ на программу «Матч дня».

– Показать вам дом?

– Отличная идея. – Он подпрыгнул на стуле. – Ведите, Моисей.

Пока я шла впереди него, у меня возникло подозрение, что он рассматривает мою задницу.

– Это не займет много времени, – пошутила я. – Как видите, это моя гостиная.

– Мило, – констатировал он.

Раскин трусил за нами, пока я показывала ему маленький туалет на первом этаже, а потом мы направились вверх в ванную. Тут я резко остановилась. Выстиранное белье по-прежнему было развешено на сушилке перед ванной, демонстрируя ряды трусиков.

– Простите, – покраснела я. – Пойдемте дальше, – сказала я, выскользнув из комнаты.

– Не волнуйтесь, – подмигнул он. – Я не в первый раз вижу нижнее белье.

О боже!

– А чем вы занимаетесь Рой?

– Я учитель физики и математики. На мою беду, – добавил он.

---

²⁰ Популярная программа британского стилиста Гок Вона, в которой он помогает девушкам и женщинам преодолеть комплексы, полюбить себя и найти свой стиль.

В ту же самую минуту у меня в голове зазвонил тревожный колокольчик. У учителей рабочий день не такой уж длинный, и мне совершенно не хотелось, чтобы мой квартирант уже в пять вечера находился дома. Возможно, единственным моим желанием было, чтобы Рой каждый месяц просто незаметно подсовывал банковский чек под входную дверь, но созерцать его практически с утра до вечера не входило в мои планы.

– Мне предложили место учителя в одной из школ в Илинге²¹, – продолжал он, – но моя благоверная была не в восторге от переезда, а каждый день ездить на работу из Девона²² слишком далеко.

– О, понимаю, – протянула я, но единственное, что в этот момент рисовало мое воображение, – как Рой сидит на моем диване и помечает что-то в учебниках.

Я повела его наверх, показывать гостевую спальню. Это была небольшая комнатка, на стене которой висела картина с изображением испанской оливковой рощи, на окнах – жалюзи, в углу – двуспальная кровать, накрытая голубым пятнистым покрывалом.

Он уселся на кровать.

– Удобно. – Рой с намеком улыбнулся.

Я отвела взгляд.

И что теперь делать? Я не собиралась показывать ему свою спальню. От его присутствия почему-то поползли мурашки. Как мне отказать? Я вынуждена буду сказать, что периодически ему придется делить кровать с моим отцом и что у него проблемы с кишечником. Недержание. И отцу придется занимать ту часть кровати, что расположена ближе к ванной. Без этого никак.

Вдруг он вскочил с кровати и жадно потер руки.

– Итак, как насчет того, что я перееду завтра?

– Завтра? – вскричала я.

– Угу. В любое время, какое подойдет хозяйке дома.

– Ох, Рой. Я не уверена. Видите ли, дело в том, что...

– Я очень примерный жилец. Правда-правда. Со мной легко, – прервал он меня. – Меня практически не видно и не слышно. Единственное, о чем я мечтаю, когда возвращаюсь с работы, – надеть треники и расслабиться. Ну вы понимаете, о чем я, – и снова подмигнул. Одно подмигивание порождало другое. По-моему, это уже болезнь.

И в этот критический момент в моем кармане завибрировал мобильник, предупреждая, что пришло новое сообщение. Я попросила извинения, сказав, что отлучусь на минуту, пулей вылетела из комнаты и побежала вниз по лестнице. Пришло эсэмэс от Анны: «Как мистер РЫБА?» Я ответила, что перезвоню позже. «Именно сейчас мне нужно определиться», – подумала я, услышав, как Рой спускается по лестнице.

«Зайди ко мне прямо СЕЙЧАС, – написала я эсэмэс Глории. – Сделай вид, что пришла посмотреть комнату». И я нажала ОТПРАВИТЬ.

Рой присоединился ко мне, удобно устроился на диване, и тут в дверь постучали.

– Прости, Рой, я собиралась сказать, что есть еще желающие посмотреть комнату, поэтому...

– Да ну. – Он вскочил и швырнул на пол журнал. – Разумеется. Только возьму свой велосипед.

Я чувствовала себя виноватой, пока наблюдала, как колеса его велосипеда снова и снова «топчут» мой газон, хотя, с другой стороны, разве можно жить рядом с человеком, который говорит это ужасное слово «треники»? Я так не думаю. Раскин тоже не хотел этого.

---

²¹ Один из районов Лондона, расположенный на самом западе.

²² Расстояние до Лондона около 350 км.

Я открыла дверь, и ко мне ворвалась Глория, одетая в бесформенную футболку, леггинсы и шлепанцы, а на ее голове красовался ободок. Но и сейчас она не могла выглядеть хуже, чем в тот день, когда мы составляли объявление, даже если бы очень постаралась.

Я пожала ей руку.

– Буду через минуту, – сказала я, а потом, беззвучно двигая губами, изобразила «спасибо».

– Какой очаровательный домик! – с энтузиазмом воскликнула она. – Именно то, что я искала!

В этот момент Рой как раз тащил свой велосипед мимо нас.

– Как определитесь, дадите мне знать? – спросил он и перед уходом коротко кивнул Глории.

– Конечно. Спасибо большое, что пришли.

– Не за что. – Он сел на велосипед и покатил прочь из Хаммерсмита.

С облегчением я повернулась к Глории.

– Выбрать квартиранта и жить с ним – почти как выйти замуж, – утверждала она. – Едва ли ты согласишься выйти замуж за первого попавшегося мужчину, к которому один раз сходила на свидание, разве я не права?

Хороший вопрос.

– Не переживай, Джилли. У нас еще есть целых двенадцать Роев.

На этой благостной ноте мы расправились с оставшимся содержимым бутылки, заказали тайскую еду и сели смотреть *How to Look Good Naked*.

Лежа в постели той ночью, я никак не могла заснуть.

Неужели Глория права? Смогу ли я найти идеального квартиранта с понедельника по пятницу? И почему у меня возникает такое неприятное ощущение, когда приходится показывать незнакомцам свой дом?

9

1985

– У меня нехорошее предчувствие, – говорила мама патронажной сестре, когда я, Ник и Анна вернулись из школы. Мэган лежала на пушистом ковре в гостиной, вокруг были разбросаны игрушки. Мама пригласила Анну к нам на чай, а вечером мы должны были пойти на брауни²³. Я совсем недавно стала главным эльфом и сегодня в своей новой роли должна была выполнить первое тест-задание – мне предстояло отполировать латунную дверную ручку. Я не могла дождаться этого момента.

– В этом возрасте она уже должна уметь сидеть, разве нет? – настаивала мама, пока мы пробирались мимо взрослых и Мэган на кухню.

– Миссис Браун, вы ведете себя как мамаша-паникерша, – отвечала сестра. – Я наблюдаю ее с рождения.

– Но Мэган уже семь месяцев.

– Я уверена, что все в порядке. Она выглядит счастливым маленьким ребенком. – Мама молчала. – Постарайтесь не волноваться по пустякам, – подчеркнула женщина, надевая пальто.

– Джилли! – позвала мама после ухода медсестры; я в это время была в своей спальне. – Можешь подойти сюда?

Я появилась на лестничной площадке, держа во рту ручку и сосредоточенно сдвинув брови.

– Пожалуйста. – В ее голосе слышалось отчаяние.

Я неохотно проследовала за мамой в гостиную и присела рядом с Мэган, которая смотрела на меня и улыбалась. Ее пухлые ножки в перевязочках напоминали рыхлые багеты и были обуты в мягкие розовые туфельки с войлочной аппликацией в виде поросят. Я погладила темные волосики Мэган. У моей младшей сестренки все части тела казались большими. У нее было круглое личико, по форме напоминавшее полную луну, глубокие голубые глаза, пухлые ножки и ручки, копна густых волос и широкая улыбка. Папа говорил, что когда она вырастет, то непременно станет фотомodelью.

– С ней что-то не так, Джилли, – говорила мама. – Я очень беспокоюсь.

– Почему?

– Смотри.

Мама взяла Мэган на руки, немного подержала и снова аккуратно положила на ковер.

– Ты заметила что-нибудь? – спросила она, в упор глядя на меня.

– Что именно? С ней все в порядке. – Я нетерпеливо встала. – Я могу идти?

Но мама попросила посмотреть еще раз. Все было в точности, как и в первый раз. Я пожала плечами.

– Прости, крошка, конечно, иди, – рассеянно сказала она. Выходя из комнаты, я взглянула на маму, она снова взяла Мэган на руки, покачала, а затем положила обратно на ковер, продолжая внимательно наблюдать, как если бы Мэган на этот раз делала что-то новое, но это было не так. Она просто плюхнулась на ковер, как обычно. Я топталась около двери.

– Иди, – повторила мама. – Уверена, что все это глупости. Я все надумала.

Я кивнула.

---

²³ Группа девочек-скаутов, учащихся 2–3-х классов.

– Эээ, Джилли? – Я ждала, что она скажет дальше. – Не говори ничего папе, хорошо?

10

Наступило воскресное утро. Накануне Анна организовала мне свидание с Харви, одним из ее коллег, и мы пошли в недавно открывшийся ресторан в Сохо. Атмосфера была великолепной. В отличие от моего последнего кавалера, который предстал передо мной в белой рубашке, заправленной в вельветовые брюки, причем брюки сидели где-то в районе пуповины, поскольку его живот был настолько огромным, что явно в них не помещался, Харви выглядел стильно. Пока мы флиртовали в баре, я подумывала поблагодарить Анну. Между нами возникла химия, в этом я не сомневалась, но потом от нее не осталось и следа, когда в конце вечера он достал калькулятор со словами, что моя доля больше, потому что я ела пудинг, а он нет.

Зазвонил телефон. Обычно в это время звонит из Австралии мама, но это оказалась Сюзи. Наряду с Анной она была одной из моих самых близких подруг в Лондоне. Сюзи вышла замуж за Марка, он владел небольшим бизнесом, и у них было двое детей: трехлетняя Роуз, моя крестница, и четырехмесячный Оливер.

Сюзи была первой, с кем я подружилась в студенческом общежитии. Мы познакомились на общей кухне, когда я собиралась готовить цыпленка в рукаве, а Сюзи что-то разогревала в микроволновке. Она стояла ко мне спиной и была одета в мини-юбку и сапоги до колена. У нее была короткая стрижка под мальчика, но когда она повернулась, я поразились, насколько та подходит ее эльфийской внешности. Микроволновка запиликала, и она вытащила маленький белый поддон с коричневатой кашей. Она посмотрела на него, и мы обе рассмеялись. «Фантастическая пицца?» – сказала она.

Она жила в Бэлхэме и раньше трудилась в страховой компании, а теперь на полную ставку работала мамочкой, но, к счастью, пока не собиралась никуда переезжать из Лондона.

– Джилли? – нерешительно произнесла Сюзи.

Мне уже не нравился тон ее голоса.

– Что случилось?

– Не знаю, как тебе сказать это. – Она замолчала. – Вчера я была на вечеринке...

– И что?

– О боже. Я слышала, что Эд вчера женился. Мне так жаль. Джилли? Ты здесь? С тобой все в порядке?

Сюзи спросила, какие у меня планы на сегодня, говорила, что они собирались навестить бабушку Марка, но он вполне может справиться и без нее.

– Она недавно попала в аварию, не чувствует ног, но все равно настаивает, что будет сама водить машину. Ну и как теперь она будет передвигаться и что делать? Ездить по террасе и крушить все на своем пути?

Я не могла сдержать нервного смеха.

– О боже, она сильно пострадала?

– Нет! Ни единой царапины. Как бы то ни было, мне совсем не обязательно к ней идти, если ты хочешь, чтобы я к тебе приехала.

Я сказала ей, что сегодня встречаюсь с Ником и племянницами и мы идем в парк.

– О'кей. Ладно. Я просто не хочу, чтобы ты была предоставлена сама себе.

– Со мной все будет в порядке, – заверила я, поглаживая Раска, который, свернувшись калачиком, лежал у меня на коленях. – Сюзи, никто ведь не умер, к тому же мне столько всего нужно сделать, – сказала я, силясь не закричать, что мне так одиноко и я ненавижу его, потому что он так быстро женился. Ублюдок. Я проклинала отца за то, что внушил нам, будто не нужно выдавать своих чувств. Он не любил, когда мы с Ником вели себя слишком эмоционально; и всегда разводил нас по комнатам, чтобы мы успокоились.

- Джилли, тебе не нужно сдерживаться, во всяком случае, не со мной, – сказала Сюзи.
- Знаю, – заикаясь пробормотала я. – Вчера? – Я даже не замечала, что говорю вслух.
- Джилли?
- Это хорошо.
- Хорошо?
- Шел дождь, – улыбнулась я.
- О, Джилли... проливной, – добавила она.

Я повесила трубку. Женился вчера? Эд не выносил спешку в таких вещах. Предложение, помолвка и брак в течение одного года – были не в его стиле. А может, он познакомился с ней, когда еще жил со мной? Теперь я никогда не узнаю об этом.

Зазвонил телефон. Я молилась, чтобы это не был мой брат, который собирался сообщить, что наша прогулка отменяется. Мне не хотелось сегодня быть одной. Но это оказался Ник, он сообщил, что Ханна подхватила какой-то вирус, а Матильда принесла домой вшей. В школе эпидемия.

- Не шевелись, Тильда, – услышала я где-то на заднем плане голос Нэнси.

– Давай, Раскин. Пойдем, – приговаривала я. – Сегодня хреновый день, но мы не должны запирается дома и хандрить по поводу Эда. Я заслуживаю лучшего, чем этот трус, у которого даже не хватило мужества сказать мне все в лицо, ведь так? Конечно, так. Пойдем, пробежимся по парку. – Раскин завилал хвостом, как только увидел, что я достаю поводок, и с любовью посмотрел на меня. – Сегодня мы будем гулять вдвоем, только ты и я, и поиграем в мячик.

Как только мы с Раскином вошли в парк, августовское небо затянулось тучами. Я прошла мимо детской площадки, с качелей уже стекали капли.

- Раскин с радостью плюхался в лужи.

Вдруг вдалеке я разглядела знакомый силуэт в кепке, кроссовках и вельветовом бушлате. Это мог быть только он. Мое сердце сразу учащенно забилося, пока я смотрела, как он гоняется по кругу за своей собакой.

- Бедолага! – упорно звал он.

Когда я приблизилась к ним, Раскин и Бедолага традиционно обнюхали друг друга, хотя на этот раз Раскин подошел почти вплотную. В моем возрасте уже не следует смущаться, но я себя ощущала именно так, когда пыталась оттолкнуть Раскина, пристроившего позади Бедолага. Незнакомец рассмеялся и предположил, что, вероятно, они катают друг друга на закорках. Я поинтересовалась, что он делает здесь в такой безрадостный день.

– Я мог бы спросить вас то же самое, – сказал он, прежде чем ответить. – Я пытаюсь научить Бедолагу некоторым командам, но, как вы успели заметить, она не слишком-то в этом заинтересована.

Я очутилась в своей стихии, вспомнив школу для занятий со щенками, которую мы посещали несколько лет назад.

– От занятий она должна получать удовольствие, и тут не обойтись без подкупа. Стоит мне только упомянуть слово «курица» или «белка», и Раскин сделает все, что угодно. Смотрите. – Я продемонстрировала, как это работает на деле. Казалось он был поражен, увидев, как Раскин, насторожив уши, носится стрелой.

- На днях я не расслышала ваше имя, – сказала я.

- Гай. Рад познакомиться. – Он пожал мне руку.

– Джилли, – ответила я. – Через G. Осторожно! – завизжала я, хватая Раскина за шкуру и потянув к себе. – А то нарвемся на неприятности. Вы должны внимательно следить за тем молодым человеком, – предупредила я.

- Где?

– Да вон же!

Гай повернулся, и я наконец-то заметила седобородого мужчину, похожего на Санта-Клауса, воинственно расхаживающего кругами по окраине парка и одетого в нечто похожее на пуленепробиваемый жилет и камуфляжные брюки. За его спиной на поводке, больше напоминающем тюремную цепь, шла черно-белая собака.

– Спасибо за совет, – прошептал Гай. Бедолага спряталась за него. – Это собака или волк?

Я рассмеялась.

– Большинство собак – хорошие, – успокоила его я. – Скорее, стоит опасаться их хозяев.

– Вижу. Не хотел бы я встретиться с ним в темном переулке.

– Сколько лет Бедолаге?

– Девять месяцев. Она не моя.

– Правда?

– Это собака моей девушки.

– Хорошо. – И с чего вообще я решила, что у него никого нет? Все нормальные люди давно заняты, кроме Харви с его калькулятором и... меня.

– Она сейчас в отъезде.

– Вот как. По работе?

– Нет. Она в отпуске, – сказал он, неловко поправляя кепку. – Это долгая история. Но как бы то ни было, – продолжил он, – моя жизнь не стоит того, чтобы жить, если что-то случится с Бедолагой, пока она в отъезде.

Я улыбнулась и рассказала ему о своем первом опыте общения с Раскином и о том, что я, словно параноик, не отпускала его с поводка, когда он был щенком. И когда я все-таки отважилась на это, он тут же направился прямо к пруду, где маленькая девочка кормила голубей. Раскин подскочил к девчужке с темно-рыжими кудряшками и выхватил хлеб из ее пухлых пальчиков. Ее мать кричала на меня, я тоже надрывала глотку, девочка вопила, а Раскин весело жевал хлеб... и затем вмешался Эд.

– Эд? – спросил Гай, явно наслаждаясь моей историей.

– Старый друг. Он был моим... – Нет, я решительно отвергла идею рассказать Гаю несчастливую сказку, которая закончилась вчерашней женитьбой Эда. – Долгая история, – улыбнулась я.

Дождь уже разошелся вовсю, и мы с Гаем рванули из парка.

Около пешеходного перехода нам пришлось остановиться, потому что водитель проезжавшего автомобиля отчаянно начал нам сигналить.

– Вы не против чего-нибудь выпить? – одновременно спросили мы, в то время как дождь уже изрядно намочил одежду. – С удовольствием, – снова в один голос ответили мы.

– Бежим, – сказал Гай, и мы, вцепившись друг в друга, ринулись вперед по тротуару вместе с нашими собаками, смеясь над тем, как мы увертываемся от луж.

Вечером того же дня мы с Раскином поехали проведать папу, прихватив с собой домашнюю лазанью. Отец по-прежнему жил в нашем старом доме по Фицрой-роуд рядом с Риджентс-парком. После того как много лет назад от нас ушла мама, он так больше и не женился.

Когда я приезжаю, папа достает какой-нибудь крепкий напиток и улыбаясь говорит, что после маминого ухода самые прочные отношения его связывают с бутылкой джина.

Я уселась за кухонный стол, пока папа жарил яичницу. Здесь мне все напоминало о детстве. Я как сейчас вижу, словно это было вчера, папу, готовящего воскресным вечером омлет для нас с Ником. Я отвечала за тосты, Ник накрывал на стол, а папа был ответственным за приготовление пищи. Я также помню, как за этим столом мы делали уроки.

Я до сих пор слышу, как в тот роковой день мама вернулась из клиники и сообщила нам новости о Мэган. Я сидела на этом стуле, уставившись в окно, выходящее в сад. Я также помню, как папа изо всех сил старался держаться в тот вечер, подавая всем нам пример.

Я смотрела на него сейчас. На его седые волосы, бледную кожу, настолько тонкую, что она напоминала кальку; раньше, как и сейчас, он всегда отличался от нас манерой держаться, одеваться и говорить. Он гордый человек. Даже дома я практически никогда не видела папу без галстука или в шортах. Только один раз помню его в синих плавках, бултыхающимся в воде с Мэган на плечах. Мама, Ник и я часто подтрунивали над его белыми ногами, но он всегда был самым красивым мужчиной на пляже. Мама говорила, что когда она в первый раз увидела отца, в ее голове словно зажглись тысячи маяков.

Папа был замечательным отцом для нас с Ником, но он никогда не умел выражать свои чувства. Когда мама ушла, возникло ощущение, что в семье кто-то умер. Нам с Ником было одиннадцать, и мы страшно испугались, но именно папина способность держать себя в руках позволила нам жить дальше.

Мы должны были «собраться», потому что у нас не было выбора. Но когда он оставался наедине с собой, я уверена, он задавался вопросом, как со всем этим справиться. Вернется ли она когда-нибудь? После потери Мэган, думаю, он тосковал по семейной жизни и хотел, чтобы мама оказалась рядом.

Пока мы ели яичницу, я рассказала папе, что Эдвард женился.

Он взял меня за руку. За последние несколько лет он чаще демонстрировал свою любовь, как будто понял, что быть уязвимым на самом деле не является проявлением слабости.

– Папа, – вздохнула я, когда он держал меня за руку, в которую я буквально вцепилась. – Я просто снова хочу быть счастливой.

– Обязательно будешь. Я знаю, что сейчас для тебя это слабое утешение, – начал он, – но со временем ты непременно встретишь хорошего человека, Джилли.

Я рассказала ему о своем свидании с Харви.

– Непременно встретишь, – повторил он. – Пожалуй, это точно не Харви, – добавил он, сухо улыбнувшись. – Но кого-то, кто окажется достаточно умен, чтобы не упустить тебя.

11

Лето, 1985

Папа, Ник и я сидели за кухонным столом, когда мама сообщила нам ужасную новость. Оказалось, что ее подозрения не были глупостью.

Мама только что возила Мэган в клинику, показать педиатру, молясь, чтобы она оказалась просто чокнутой паникершей, по делу и без дела трясущейся над своим ребенком, но врач сказал, что у Мэган спинальная мышечная атрофия.

Ее мышцы были слишком слабы, поэтому она не могла сидеть. Мэган никогда не сможет вести нормальную жизнь, бегать, как мы с Ником. По сути, она просто тряпичная кукла. Я разрыдалась.

– А что она может делать? – спросил Ник. Мне так и не хватило храбрости задать этот вопрос.

Я даже не представляла, что не смогу кататься зимой на санках, играть в «каштан»²⁴, гонять по городу на велосипеде, ходить с друзьями на каток. Несправедливо, что Мэган будет лишена этих вещей, доступных нам с Ником.

– Ну, она будет наслаждаться тем, что мы все рядом, – ответила мама. – Мэган понимает все, о чем мы говорим, поэтому мы не должны относиться к ней как-то по-особенному...

– Бэт, – прервал ее папа.

– Когда она станет постарше, пойдет в специальную школу, – продолжала мама. – Ей потребуется больше любви и внимания, и мы...

– Бэт, это бессмысленно. Скажи им правду, – настаивал папа. Мама побледнела как полотно.

– Не сейчас, – ответила она.

– Скажи им, – повторил он, но в этот раз намного мягче. – Или это сделаю я.

В комнате повисла тишина. Я изо всех сил сжимала руку Ника.

– Ладно... Врач сказал, он сказал нам... – Но мама не нашла в себе сил продолжить. Она выбежала из комнаты и бросилась вверх по лестнице.

Мы с Ником повернулись к папе.

Что могло быть хуже того, что уже сказала нам мама?

---

²⁴ Игра, в которой одним конским каштаном, привязанным к концу веревочки, бьют по другим.

12

Я просто хочу узнать, по-прежнему ли вы сдаете комнату. Скорее всего, у вас нет отбоя от предложений, но, если это не так, дайте мне знать. К началу сентября мне срочно нужна комната. С наилучшими пожеланиями, Джек Бейкер.

– Когда я сдавал комнату, то практически все вырученные деньги тратил на кафешки, где завтракал, обедал и ужинал, – рассказывал Гай, пока мы нарезали уже пятый круг по парку.

Был уже конец августа, и в течение последнего месяца наши встречи с ним стали такими же регулярными, как утренняя чашка кофе. Он как-то незаметно вошел в мою жизнь. Мы не перезванивались, потому что так и не обменялись номерами телефонов. Я понятия не имела, где Гай живет, только знала, что после прогулки он поворачивает налево в сторону пешеходного перехода, а я – направо. Я даже не знала его фамилию. Для меня он был просто Гай, друг-собачник.

В августе число собачников заметно сокращается, потому что школьные каникулы находятся в самом разгаре и многие вместе с семьями уезжают в отпуск. Я очень скучала по Сэм и Брижит, но Мэри, Ариэль очень редко куда-то уезжали.

Гай теперь стал полноправным членом нашего «клуба». Он присоединился к общим дискуссиям о политике, фильмах и смешном человеке, который чуть ли не каждый день приходил к Мэри в магазин и осведомлялся, продаются ли здесь тарелки, о последних разработках в собачьих диетах, груминге и, разумеется, о погоде.

Я много рассказала Гаю о себе. Он знал, что моя сестра Мэган умерла, а мама живет в Австралии со своим вторым мужем Патриком. Последний раз мы виделись с ней на прошлое Рождество, когда она специально прилетела, чтобы помочь мне с подготовкой к предстоящей свадьбе. Как-то Гай спросил, скучаю ли я по ней. Да, я скучала. Когда Эд бросил меня, я снова увидела в маме ту женщину, державшую меня на руках, которую так любила в детстве. Я не хотела, чтобы она уезжала.

Я рассказала Гаю, что мама живет в Перте вместе с двумя взрослыми сыновьями Патрика.

– Почему бы тебе не съездить к ней? – предложил Гай.

– Я счастлива, что ей удалось устроить личную жизнь, – сказала я, – но мне больше нравится, когда она приезжает проведать нас с Ником... и папу. Я не хочу знакомиться с ее новой семьей, – призналась я. – Одной ее мне вполне достаточно.

Я узнала, что Гай ушел из рекламного агентства и основал фирму по ландшафтному дизайну, из чего следует, что он «великий садовод», как он скромно сам себя называл.

– Мои друзья тоже считают это огромной глупостью, – сказал он, увидев, что я улыбаюсь, – однако я умело обращаюсь с секатором.

У Гая была сестра Рейчел, которая жила за городом. Она работала учительницей и была помолвлена с мужчиной старше ее на двенадцать лет. Мы болтали с ним о его девушке Флоре, и теперь я убедилась, что у них достаточно непростые отношения. Флора не совсем в отпуске; в какой-то момент она просто взяла и купила билет, чтобы посмотреть мир, и вернется домой не раньше ноября. Флора художник и профессиональный фотограф. Она работала фрилансером во многих мейнстримовских газетах, но главной ее мечтой было иметь собственную художественную галерею.

«Почему она путешествует одна? – задавалась я вопросом. – Она ведь не одинока».

– Я предлагал ей выйти за меня замуж, – объяснил Гай, – она согласилась, но сказала, что ей нужно время, чтобы посмотреть мир и успеть много чего еще прежде, чем она «осядет на месте» и «выпадет из жизни». Это была не совсем та реакция, на которую я рассчитывал,

когда стоял на коленях и делал предложение. – За улыбкой, с которой он все это рассказывал, скрывалась боль и уязвленная гордость.

– Мы с Эдом были помолвлены. Он бросил меня за две недели до свадьбы.

Гай поправил свою кепку.

– О боже, мне так жаль.

– Это случилось некоторое время назад, не так давно, – намекнула я. – Но ты прав. Это было ужасно. – Я сама себе удивилась, что сказала это.

– Мне так жаль, Джилли, – снова повторил он.

– Мне тоже. Мне пришлось вернуть все подарки, которые нам вручили на помолвку.

А я всю жизнь мечтала о вафельнице.

Он с любопытством посмотрел на меня, потом улыбнулся, сказав, что очень удивился, что на первое место в списке подарков я поставила вафельницу.

Мне казалось странным, что можно вот так легко говорить обо всем с человеком, которого знаю совсем недолго. Я рассказала Гаю много чего такого о своей семье, чего никогда не говорила Эду.

– Это как расхаживать черт знает в каком виде перед посторонними людьми в тренажерном зале, – поделилась я с ним, – чем меньше я знакома с кем-то, тем проще показать им свой целлюлит.

Мэри и Ариэль чувствовали, что между мной и Гаем что-то происходит.

– Джилли, любой дурак заметит, как загораются твои глаза, когда он рядом, – говорил Ариэль.

В магазине Мэри выпрашивала меня о Флоре.

– Никоим образом я не хочу вставать между ними, – отвечала я.

Анна также постоянно спрашивала, уверена ли я, что между нами нет взаимного притяжения, потому что не проходило и дня, чтобы я не упомянула о Гае. Я все отрицала, говоря, что мужчина и женщина могут быть просто друзьями.

– Он не в моем вкусе, – уверяла я. Тем не менее одно я знала точно – если, придя в парк, я обнаруживала, что его нет, я не могла скрыть разочарования; мое утро было безнадежно испорчено и день терял краски.

– Раньше я сдавал комнату одному человеку по имени Карл, – рассказывал Гай. – Он, пожалуй, был идеальным жильцом, потому что мы с ним сталкивались исключительно на лестнице, и это единственное, чем он мне докучал. Но чем старше я становлюсь, тем меньше мне хочется вести светские беседы. Я просто хочу прийти домой, расслабиться и ни с кем не разговаривать.

– Повезло Флоре. Она, наверное, находит твою компанию просто захватывающей.

Он пожал плечами.

– Может быть, я уже слишком стар для постояльцев.

– Я начинаю думать, что я тоже. Ты бы видел некоторых из моих потенциальных клиентов.

– Ну же, продолжай...

История Роя Хэддока с его трениками стояла в моем списке номером первым.

Гай от души хохотал, говоря, чтобы я не расстраивалась, поскольку все равно не смогла бы жить с рыбой.

– Именно так. А тот, кто думает, что может слоняться по дому в трениках, должен быть невероятно красивым или забавным, или и то и другое, – настаивала я.

Следующей была американка Кэтрин, которая работала рекрутером. Она выстреливала в меня вопросами, как станок по производству теннисных мячиков. Я прозвала ее мис-

сис Клипборд²⁵. Может ли она хранить средства гигиены в моей уборной? Есть ли в округе какие-нибудь заводы? Имеются ли у меня белые стикеры с информацией о поддержке и сохранении заповедников? Привита ли моя собака?

– Совершенно резонные вопросы, – смеясь, оценил Гай. – Ко всему прочему, у нее наверняка был чудовищный акцент, – добавил он.

– «А если я заработаюсь допоздна в пятницу, я могу остаться на выходные?» – спросил очередной претендент на мою комнату консультант по имени Ричард.

– Он вообще понимает смысл идеи сдавать комнату только на будние дни? – спросил Гай.

– То-то и оно! – сказала я, пребывая в восторге от того, что Гай понимает, в каком затруднительном положении я оказалась. – После этого вопроса мне сразу нужно было написать ему ответное сообщение, дабы освежить его память, если он забыл, на каком сайте подыскивает комнату.

– «Можно, со мной будет жить Фредди?» – спросил геодезист Джонатан. Фредди? «Кто такой Фредди?» – поинтересовалась я. «Мой пятнистый полоз».

Разумеется, мне пришлось сказать Джонатану, что комната уже сдана.

Гай покачал головой, отчетливо осознавая, что ситуация аховая.

– «Меня только что бросила девушка, могу я поселиться здесь насовсем?» – спросил «охотник за головами» Сэм. Александр, чье предложение было настолько актуально, так и не явился, – продолжила я. – «А вы можете снизить арендную плату наполовину?», – поинтересовался банкир из Сити Тим.

– Задрот! – громко воскликнул Гай как раз в тот момент, когда мы проходили мимо Риты, экс-главы Хаммерсмита, которая кормила белок, сидя на своем красном блестящем скутере, припаркованном прямо около мемориальной статуи. Рита совершенно справедливо заметила, что ему следовало бы вымыть рот с мылом, я сказала, что полностью согласна с ней. Его лексикон частенько шокировал.

Когда мы завершили очередной круг по парку, я сказала Гаю, что мне нужно быть более подкованной в том, что касается собеседований с потенциальными жильцами. Тем более вечером мне предстояло беседовать с Джеком Бейкером. Я составила список правил, которых должен придерживаться мой будущий сосед, так мне посоветовала сестра мамы, незамужняя тетя Перл, когда мы говорили с ней по телефону. Тетя Перл в этом вопросе ветеран. На протяжении ее жизни через дом тетушки прошли пятьдесят жильцов, в том числе один аферист, представившийся Клинтом, который появился на пороге ее дома в бежевом плаще и с красной розой в руке. «Он с порога очаровал меня, я буквально влюбилась в него, Джилли. Не совершай моих ошибок», – предупредила она.

– Как считаешь, очень ужасно, если я повешу на кухне распорядок дня? – спросила я Гая. Так мне посоветовала тетя Перл. Сейчас тетя Перл жила в Эдинбурге со своим новым бойфрендом. «Компаньон, – всегда поправляла меня она. – Я слишком стара, чтобы обзаводиться бойфрендом». Также она посоветовала поставить в комнату постояльца старый телевизор, если таковой имеется, чтобы тот не путался у меня под ногами. – А должна я спрашивать у них рекомендации или нет?

– Определенно.

– Мне же нужно знать, что он ежемесячно будет платить арендную плату, а из дома не станут исчезать вещи, словно им приделали ноги.

– Неплохая идея...

---

²⁵ Клипборд (Clipboard) – буфер обмена данными (англ.).

– Тетя Перл рассказала мне, что однажды поймала за руку одного из ее постояльцев, когда он пытался стащить из столовой фигурку ежика. Можешь себе представить? – перебила его я.

– Нет. Для чего кому-то может понадобиться такая безделушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.